

Новодворский В.

**КОРОНКА В ПИКАХ
ДО ВАЛЕТА**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Василий Новодворский

Коронка в пиках до валета

«Алгоритм»

до 1930 г.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Новодворский В.

Коронка в пиках до валета / В. Новодворский — «Алгоритм», до 1930 г. — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03986-7

В. Новодворский – псевдоним известного отечественного литературоведа Василия Васильевича Сиповского (1872–1930). Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и уже на первом курсе начал свою научно-литературную деятельность. С 1899 г. преподавал в средней школе; с 1910 по 1917 г. – на Высших женских курсах; затем был профессором и проректором университета в Баку. С 1923 г. состоял действительным членом НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. Член-корреспондент Академии наук (с 1921). Сиповский – автор многочисленных учебников и хрестоматий, а также исследований по истории русской литературы. Роман «Коронка в пиках до валета», публикуемый в данном томе, в авантюрно-приключенческой форме рассказывает об истории продажи Россией Аляски. По сути, он представляет собой попытку раскрыть тайну грандиозной финансовой спекуляции, которая привела к тому, что русское правительство одурачил более умный и ловкий конкурент.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03986-7

© Новодворский В., до 1930 г.

© Алгоритм, до 1930 г.

Содержание

Часть первая	7
Детство и юность	7
Таинственные подарки	11
Вадим Холмский	13
На широкий простор жизни!	14
Российско-Американская компания	15
Закрытое заседание	18
Помолвка в Галерной гавани	19
Гаванский следопыт	22
«Пиковые короли» за работой	30
Часть вторая	32
В путь-дорогу!	32
Пассажиры «Дианы»	34
У берегов Англии	36
Портсмут	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Василий Новодворский

Коронка в пиках до валета

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Часть первая

Детство и юность

– Ура!.. Делавары!.. Попал! Принят! – орал Илья Маклецов, увидев на Старопонтонной своих двух приятелей, босоногих мальчишек.

– Врешь?! – воскликнул один из его приятелей, Тишка, который вообще был скептиком.

– Здорово! – заорал радостно второй, обладавший натурой восторженной.

Он сразу поверил, что их товарищ, Ильюшка Маклецов, выдержал вступительные экзамены в Морской корпус – попал в список «принятых»... Ильюшка понесся ураганом по Старопонтонной, завернул в Якорный переулочек и подбежал к маленькому деревянному домику за номером 23. На домике была железная, уже проржавевшая дощечка, на которой с трудом можно было прочесть: «Сей дом принадлежит вдове штурмана дальнего плавания Андрея Ивановича Маклецова, Марии Кузьминичне Маклецовой».

Ильюшка ворвался в калитку и сразу попал в объятия лохматого Пирата, который с радостным визгом и лаем кинулся к нему на грудь.

– Попал, Пиратушка!.. Ей-богу, попал!.. Поздравь! – вопил Илья, целуя Пирата в морду. И вдруг он оттолкнул Пирата и замер.

Сияющее радостное лицо мальчика сразу омрачилось... Он заметил, что в их садике какая-то тряпка, висевшая на заборе, вдруг, при его появлении на дворе, словно сорвалась куда-то вниз и исчезла в соседнем саду.

– Ленка! Опять ты черемуху ломаешь? Вот погоди, я тебя! – завопил он яростно, забыв все на свете... Дело в том, что соседская девчонка, Ленка Мишурина, постоянно таскала черемуху из сада Маклецовых. Крала и яблоки «белый налив», который доверчиво протягивал свои ветви через забор из сада Маклецовых в соседний садик Мишуриных. Несмотря на постоянную, многолетнюю борьбу Ильи с Ленкой, упорная девчонка не унималась... Не мешали ей даже острые гвозди, наколоченные на заборе Маклецовых остриями вверх.

– Я тебе покажу! – грозился кулаком Ильюшка, подбежав к забору и заглядывая в соседний сад.

– Покажешь! Фиг тебе! – кричала издали бедовая Ленка.

Она была недовольна быстрым и неожиданным возвращением Ильи...

– А вот и посмотришь! – зловеще крикнул Илья.

И в тот же вечер Ленка ревела над своим любимым белым котом Маркизом, который стараниями Ильи был превращен в «бенгальского тигра» – вымазан охрой весь и с головы до конца хвоста разрисован черными полосами!

...А на другой день – величественный зал Морского корпуса... Бесконечно длинные ряды кадетов и гардемарин с ружьями. Посреди зала стоят они, «новички», в тесных новеньких мундирчиках, в белых штанах со штрипками...

Стоят навытяжку... Дохнуть боятся... И гремят, ревут, заливаются трубы, фанфары и морские рожки... Блестящая толпа многочисленного начальства, в крестах и звездах, с лентами через плечо, в расшитых золотом черных мундирах... Во главе – старенький адмирал Телятев, начальник Корпуса... Он что-то говорит новичкам, а что – сам черт не разберет!.. Шамкает что-то...

... В утомленную голову Ильи вдруг полезли мысли о Гавани.
Двенадцать часов сейчас.

Там, в Гавани, сейчас ребята играют в городки, а он с бритой головешкой, задыхаясь в тесном мундирчике, стоит, проглотив аршин, круто повернув шею, выпучив глаза на какие-то неведомые ему черные мундиры, расшитые золотом...

Лезет другая назойливая мысль...

... Ленка бессовестно ломает черемуху, сидя верхом на заборе (там место есть одно, без гвоздей... эх, забыл! Надо было набить!)...

... К прошлому нет возврата. Как все это прошлое далеко, далеко!

... Новые товарищи. Чужие лица. Стройный породистый князь Холмский, этот еще ничего!.. Носа не задирает. Кажись, простой... А вот князь Чибисов, да еще не просто Чибисов, а Чибисов-Долгоухий!.. Или граф Потатуев – оба дрянь!.. Форсунишки!.. Барон фон Фрейшютц... Длинный, белобрысый и надменный... Сволочь!.. В Гавань бы его заманить!.. Ну хоть бы на полчаса... Вот бы «делавары» ему шею наковыряли!.. Все сынки генералов, адмиралов. Все фамилии, бьющие в нос славой отцов и дедов!

Но кроме них, этих баловней фортуны, конечно, есть и свои. Дети, так сказать, «морской демократии», обер-офицерские дети. Их даже больше, чем аристократов. Сыновья лейтенантов и даже штурманов – этих скромных безвестных тружеников моря, которых в случае их смерти просто вычеркивают из списков и которым никаких памятников никогда не ставят...

Илья был штурманским сыном, то есть принадлежал в Корпусе к самой низшей социальной категории, и потому держался в стороне от аристократов... Те подкатывали к Корпусу на собственных рысаках, разговаривали друг с другом по-французски, по-английски, а Илья и его братия плелись пешком, иностранных языков не знали, да и по-русски-то говорили иногда на гаванском диалекте.

Ротный командир Ильи, лейтенант Калугин, по-видимому, был большой стервец. Кривляка, всегда надушенный и припомаженный, влюбленный в самого себя, он постоянно зорко всматривался в лица кадетов – все смотрел вокруг себя, не смеется ли кто. Это был его пункт. Всякий смех он принимал на свой счет – над ним-де смеются. И за каждую даже беглую улыбку посылал воспитанников в карцер, а то и на «барабан», то есть под розги к боцману Дудке, специалисту по экзекуциям.

Конечно, князья и графы этим унижительным наказаниям не подвергались. Калугин скрепя сердце разрешал им не только улыбаться, но и смеяться (и как злоупотребляли этим правом сиятельные!), но тем горше приходилось детям скромных обер-офицерских чинов!

Розги в Морском корпусе (как и во всех прочих учебных заведениях тогдашнего времени) процветали всюду.

Даже курьезы происходили.

Одного кадета, как раз из роты Ильи, выдрали три раза в течение часа. Читал молитву, соврал что-то: слово или пропустил, или переставил – выдрали. Заставили повторить молитву. Опять, бедняга, соврал, и опять на том же месте. Выпороти еще раз! В третий раз читает – опять та же история! Еще раз впрыснули! И каждый раз все солонее!..

Старый адмирал, директор Корпуса, добряк, но вовсе выживший из ума, подарил кадетам коньки, по десяти пар на роту. Кажись, катайся всюду! Нацепили коньки. Пошли вензеля на льду вырисовывать. А ротные командиры тут как тут! Всех, кто катался, приказали выпороть, потому-де – катанье на коньках регламентом Корпуса не предусмотрено. Иди к директору, жалуйся!

Преподаватели были из рук вон плохи – заставляли все «брать на зубок» – от «энтых до энтых». И если кадет вставлял в ответ свои слова или менял порядок слов, ответ его признавался неудовлетворительным, а в результате – порка и оставление без отпуска!

– Ты, брат, завирайся! Главное, ты не умничай! Не глупей тебя люди книги писали. Говори, как в книге, – ворчал Марк Фомич Гарковенко, учитель истории, колотя серебряной табакеркой по маковке отвечавшего.

Этот Гарковенко, по крайней мере, различия не делал – барабанил своей табакеркой не только «демократов», но и «аристократов» (последних, кажется, даже с особым удовольствием).

Маклецов учился из первых. Отставной капитан 2-го ранга Тихон Кириллыч Смагин, проживавший в Гавани, друг их дома, сумел хорошо подготовить Илью к Корпусу. Поэтому Илья на первом курсе знал больше, чем требовалось, и в первый год пребывания в Корпусе почти и не учился. Тем сильнее налег он на чтение – накинудся на разные путешествия, особенно на морские и по преимуществу в северные моря, – его с детства тянуло туда, где безвестной смертью погиб его бедный отец.

Однажды во время урока истории он зачитался путешествиями капитана Кука. Вдруг табакерка Гарковенко преобильно ударила его по черепу.

– Ты это что? Это что у тебя? Покажь-ка!..

Растерявшись, Илья схватился за голову (этот черт Гарковенко умел ударить в самые чувствительные места) и пролепетал:

– Ка... Ка... питана Ку... Кук!..

– Ка-ка? Ку-кук? Хо-хо! – захохотал Гарковенко, а вслед за ним весь класс.

– Ка-ка! Ку-кук!

– Ну и будь отныне Кукуком! – радостно воскликнул преподаватель.

Так и стал Илья Маклецов в Корпусе Капитаном Кукуком, или попросту Кукуком. Это прозвище так и осталось за ним до окончания курса.

В первый же отпуск Илья вернулся в родную Гавань совсем другим человеком – словно за одну неделю его переродил Морской корпус. К Пирату отнесся свысока-покровительственно и даже ругнул его за то, что он обмазал мордой форменные белые штаны. Увидев на заборе Ленку, доламывающую последнюю черемуху, он отвернулся и ничего не сказал, будто не видел. Только по сердцу злость царапнула...

В Корпусе Капитан Кукук был на хорошем счету и потому редко попадал на «барабан» (а все же вначале несколько раз налетел!). Все свободное время сидел он с книгами или внимательно изучал Морской музей при Корпусе. Там собраны были великолепные модели морских военных судов, много было картин, изображающих знаменитые морские баталии, много было портретов разных адмиралов и капитанов, прославивших свое имя. Но особенно интересовали Илью манекены, одетые в меховые костюмы инородцев далекого Севера, – камчадалы, алеуты, чукчи – все в рост человека. Они стояли перед Ильей жутко неподвижные в своих узорчатых мехах и смотрели безучастно куда-то в пространство своими стеклянными глазами. Из этих манекенов у Ильи был один любимец – кенаец с Аляски, с широким желтым лицом и косыми узенькими монгольскими глазами... Почему-то около него Капитан Кукук стоял всегда особенно долго...

...В Корпусе Илья держался в стороне от товарищей даже своего круга. Только с князем Вадимом Холмским он как-то сблизился, но и то не по своему желанию – князь, по-видимому, сам упорно искал с ним сближения.

Странный был юноша, этот богач, аристократ, князь, Рюрикович по крови. Ему противна была спесь юношей его круга, которые в обращении с товарищами низшего происхождения всегда старались дать им почувствовать свое сословное превосходство.

Всякая такая выходка «сиятельных» всегда больно задевала князя Холмского, и он, словно в пику им, тянулся к товарищам, в жилах которых не было ни капли «голубой крови».

Если не было у них этой крови, то была сила духа, был ясный разум и было знание жизни – и это сознавал Вадим Холмский.

Он мало интересовался морскими науками – к путешествиям был равнодушен, у него рано появились какие-то книги, которые он читал тайком от товарищей и умел их прятать. И никто в Корпусе не знал, что читает Вадим.

Первые места в Корпусе занимали, конечно, княжичи, графчики, барончики, адмиральские сынки – все фавориты ротных командиров. Благородные зады сиятельных были освобождены раз навсегда от порки, и высшие баллы сыпались на них как из рога изобилия. Обер-офицерские сыновья каждый балл брали с бою, и все-таки к ним придирались все – и преподаватели, и ротные.

Илья со всеми был ровен и мягок и от всех был равно далек. С первого курса он почувствовал себя как-то старше других. Большинство его товарищей еще были мальчишки, а у него была уже определенная цель жизни – плавать у берегов Камчатки и Аляски, бороться со льдами Северного Ледовитого океана. Эта ребяческая мечта, с которой он пришел в Корпус, благодаря чтению с годами выросла и укрепилась. Товарищи его мечтали о сверкающей лазури Средиземного моря, а Капитана Кукука кенаец из корпусного музея, подмигивая ему косыми глазами, звал к себе на далекий Север, обещая раскрыть нераскрытые тайны вечно холодного неприветного моря.

Князь Вадим Холмский сумел победить строптивное сердце Ильи. Между ними завязалась дружба, но странная: она долго ограничивалась стенами Корпуса, в гости к сиятельному товарищу в его барский особняк на Английской набережной Илья не шел и в Гавань к себе его не приглашал.

...Шли годы... Не шли, а летели!.. Мать Ильи на глазах старела – тяжело переживала она потерю мужа! На их домике прибавилось плесени на фундаменте... Крыша словно стала прогибаться. Самый домик как будто понемногу вращался в землю... Ленка уже перестала воровать черемуху и яблоки... Капитан Кукук перестал ее третировать – стал звать, как все, – Леной, даже изредка Леночкой... Прошло еще года два, и однажды он назвал ее Еленой Павловной. И оба почему-то вдруг покраснели. С «ты» они перешли на «вы». Детство кончилось, наступила юность...

Однажды осенью он, улыбаясь, преподнес ей целый ворох спелой черемухи. Елена Павловна покраснела и засмеялась, взяла этот огромный пук, сказала «мерси» и прибавила: «Вы, Илья Андреевич, сделались любезнее и добрее. Куда девалась ваша скупость?» Помолчала и задумчиво прибавила: «Знаете, а я все еще люблю эту черемуху. Быть может, потому, что в детстве было так трудно и так опасно добывать ее из вашего сада?» Оба засмеялись и задумались...

...Илья уже гардемарин. Только что вернулся из плавания... Высокий, серьезный, с лицом умным, энергичным и резко очерченным. Он стоял около Елены и держал ее за руку.

Она – красивая стройная девушка, с лицом строгим, даже грустным...

Они говорили о будущем, которое свяжет их молодые жизни в одну. В их отношениях не было мятежной страсти, не было глупой влюбленности – было взаимное уважение, была безграничная дружба, скрепленная ясным сознанием, что у обоих одна цель жизни.

...Как за эти шесть лет много изменилось в Гавани! Старый будочник Евстигней растерял последние зубы – уже не говорил, а шипел. Теперь он вскакивал, когда мимо будки проходил Илья, вскакивал и нелепо салютовал блестящему гардемарину своей неповоротливой, непослушной алебардой. А шесть лет назад он раз здорово надрал Илье уши – грозился даже крапивой выпороть.

Его товарищи «индейцы» устроились кто куда – кто в фельдшерском училище, кто в мореходных классах... Говорили уже хриплым басом, обзавелись трубками и свирепой смолили махорку.

Таинственные подарки

За эти годы произошло одно важное происшествие: мать Елены перестала получать и без того редкие письма от своего мужа, который плавал на Дальнем Востоке на судах Российско-Американской компании штурманом на шхуне «Тюлень». В последних письмах Павел Ефимович писал жене, что скоро приедет в Гавань, выйдет в отставку, будет жить на пенсию... Писал еще как-то неопределенно, что-де, слава богу, вернется «со средствами». И вдруг... зловещее молчание! Год прошел, другой... нет вестей!

Отправилась Марфа Петровна в правление Российско-Американской компании справиться, в чем дело. Там ее огорошили известием, что-де со шхунной «Тюлень» произошло несчастье: часть экипажа пропала без вести. По предположению секретаря, в числе пропавших приходится считать и штурмана Мишурина, так как о нем никаких сведений нет.

– Мы производим еще следствие, – добавил секретарь безучастным голосом, глядя куда-то в сторону. – Российско-Американская компания не жалеет средств на спасение своих служащих... О последующем вы, сударыня, не извольте беспокоиться – вы будете уведомлены своевременно. Имею честь!

Ничего она больше так и не узнала, только ей стали выдавать вместо половинного жалования мужа пенсию в «усиленном размере» – на 10 рублей в месяц больше обычного.

Марфа Петровна Мишурина потеряла голову: вдова она или нет? Панихиды ей служить или молебны?

И вот однажды утром в будни, когда гаванские улицы почти безлюдны, так как все жители заняты делом – кто в городе на службе, кто в огороде копается, кто хлопочет по хозяйству, кто рыбку удит на взморье, – у домика Мишуриных остановилась «гитара»... С нее соскочил какой-то господин почтенной наружности с седыми бакенбардами и поспешно вошел в домик, стукнулся лбом о косяк и спросил, здесь ли обитает Мишурина Марфа Петровна. Не говоря больше ни слова, вручил ей какой-то пакет, вышел из дома, сел на свою «гитару» и укатил.

В конверте оказались тысяча рублей и записка, никем не подписанная, в которой было сказано, что штурман Мишурин жив и находится в плену. Кроме того, в записке была просьба не доискиваться, кто послал деньги. Марфа Петровна отслужила благодарственный молебен и спрятала деньги в перину.

Прошел год... И ровно в тот же день повторилась та же история: опять задремезжала «гитара», опять тот же почтенный господин соскочил с нее, вошел в дом Мишуриной, опять треснулся головой о тот же косяк, передал Марфе конверт с одной тысячей рублей и так же быстро исчез. Опять Мишурина отслужила молебен за здоровье плавающих, путешествующих и плененных вообще, а за раба Павла в частности, и запрятала новую тысячу в ту же перину. «Леночке на приданое», – сказала она со вздохом.

Никому в Гавани она об этих таинственных ежегодных подарках не сказала, кроме соседки Маклецовой Марии Кузьминичны. Только ей и рассказала. Хороший человек была Маклецова, сердечный и спокойный. Горе своего преждевременного вдовства несла безропотно и всю свою неизрасходованную любовь перенесла на единственного сына Илью. Обеих женщин-соседок связывали и сходство характеров, и судьба их мужей – и тот и другой были моряками, служили в Российско-Американской компании, плавали в Беринговом море, и там, вдали от семьи, где-то далеко, боролись и погибали во льдах и снегах... С одинаковой покорностью годами ждали их возвращения жены, оставленные в Гавани, и обе покорно склоняли свои головы перед злыми прихотями капризной судьбы.

Ничего не подозревая о тысячах, лежащих в перине, Елена знала от матери, что ее отец жив. И вот к мечтам Ильи плавать во льдах Берингова моря присоединилась упорная мечта Елены – отправиться на поиски отца... Молодые люди решили обвенчаться и ехать вдвоем на

поиски Мишурина. Илья надеялся устроиться на службу в Восточно-Сибирскую флотилию, а затем перейти на службу в Российско-Американскую компанию.

Так детская любовь к Северному морю, тяга к безвестной могиле отца теперь в глазах Илья укрепились определенным стремлением дорогой его сердцу девушки – отыскать отца, вырвать его из лап каких-то неизвестных хищников.

Вадим Холмский

Гардемарина князя Вадима Холмского тоже тревожили мечты, но совсем другие. Они, однако, с такой же силой овладели его умом и сердцем и так же наполнили все его существование.

Он начитался сочинений Сен-Симона, Фурье и бредил картинами будущего человеческого благополучия. Он верил, что придет время, когда не будет знатных и богатых, когда все будут равны...

И вот на дому у него, в его уютном кабинете, в отдельном флигеле стали собираться по субботним вечерам такие же мечтатели, как он сам. Восторженные речи... Горящие глаза... Бестолковое махание руками и всклокоченные волосы... И совершенное недоумение старого княжеского камердинера Фрола Саввича, который был приставлен к молодому княжичу, жил при нем на покое. Старик в молодом князе души не чаял – называл его «мой князенька». В субботнем галдеже старик ровно ничего не понимал, даже как будто боялся каждой субботы... «Бесчиние какое-то, сброд какой-то толкается, – ворчал он. – Орут, галдят, а мой князенька больше всех. Ох, не к добру это! Не княжеское дело с естаккой рванью якшаться...» – крутил головой старик, однако из любви к своему «князеньке» никому ни слова о странных субботних собраниях не сказывал.

Пробовал было Вадим затянуть и Илью в свой кружок. Побывал Илья раз, два – и перестал ходить: не понравилось ему общество: какие-то крикуны дурашливые! Не понравились и речи. Социальные утопии показались ему несбыточными, не по душе пришлись. Но дружба с Вадимом за эти годы гардемаринства выросла и окрепла. Разные были они люди, а что-то связывало их. Несколько раз запросто побывал Илья у Вадима, но в дни, свободные от заседаний кружка.

Побывал и Вадим в Гавани и очаровал обеих старух – Маклецову и Мишурину. Их шершавые трудовые руки поцеловал неожиданно для них, чем обеих поверг в совершенное смущение. От перепуга после княжеского поцелуя стали фартуком руки обтирать. Елене он тоже по душе пришелся. Пил чай с малиновым вареньем, ел с аппетитом сдобные булки домашнего печения.

Но особенно поразил он сердце гаванских девиц, чиновничьих дочерей.

В Гавани всё знают. Когда Вадима ждали к Маклецовым, местные барышни откуда-то уже пронюхали, что к Маклецову Ильюшке приедет товарищ, «настоящий князь», и притом «хорошенький, как андел». Сейчас же принарядились в шуршащие накрахмаленные ситцевые платья, на шейки надели праздничные косынки, разноцветными бантиками и ленточками себя приукрасили, надушились духами – кто «резедой», кто «гвоздикой», кто «жасмином» – и все столпились на углу Якорного переулка и Старопонтонной. Ждали. И сердечки у них стучали: тук-тук! Когда же показалась вдали коляска князя – «Рысак! Серый в яблоках! А кучер! Мать честная, что за кучер! Бегемот, а не кучер!» – все взвизгнули и разбежались, за заборами попрятались и смотрели на князя в заборные дырочки. Из всей толпы на улице удержались немногие, похрабрее которые. Те, обнявшись парочками, троечками, стали прогуливаться по Якорному переулку, заглядывая в окна дома Маклецовой. «Галан», «манифик», «миловзор», «душоночек» – так определили наружность Вадима гаванские барышни.

На широкий простор жизни!

Между тем подошло и производство: гардемарины превратились в мичманов. Мичманский мундир – черный с золотым шитьем. Кортик на боку, а по праздникам – палаш! На голове треугольная шляпа с черным султаном.

Теперь для Гавани окончательно куда-то в небытие провалился Ильюшка, исчез и Илья Маклецов, сперва кадет, потом гардемарин, и на их место вдруг откуда-то взялся Илья Андреевич Маклецов, мичман Императорского Российского флота, жених Елены Павловны Мишуриной...

– И что он в ней нашел? – недоумевали гаванские барышни, делая кислые гримаски. – Худая и вовсе без авантажа...

На Английской набережной в доме князя Холмского отпраздновали производство. Отец Вадима открыл для молодежи все свои хоромы. Вадим пригласил всех – весь свой курс. Огромный зал, весь сплошь в зеркалах до потолка, залит был светом бесчисленных свечей, блистал позолотой... Вдоль всего зала протянулся огромный стол. Ужин был изысканно-великолепный... Лучшие повара столиц показали свое искусство (старый князь был гастрономом). Вин – бесконечное количество, и все лучших заграничных фирм! Фрукты, ликеры! Шампанское без счета... Лакеи в изящных фраках и в черных шелковых чулках и бальных туфельках, бесшумно скользят по сверкающему узорному паркету!

Собрались все – весь Корпус: от князей, графов и баронов до последних по рангу сыновей штурманов дальнего плавания. И кончилось все свинством. «Сиятельные» первые напились и распоясались: раздались пошлые, пьяные, хвастливые речи, обидные для товарищей «парий». Хозяин пиршества Вадим, бледный, с туго сжатыми губами, молчал и кипел негодованием. Илья ушел одним из первых, унося в душе большую горечь обиды. Вадим его провожал, пожал ему руку крепко-крепко и сказал:

– Прости, друг! Не думал я, что они – такие свиньи! Извини! – И в голосе его задрожали слезы обиды и гнева.

– Ну полно, Вадим. Ты тут при чем? – сказал Илья.

Они крепко поцеловались.

– Придешь в четверг на мою помолвку, в мою идиллическую Гавань, которая тебе так нравится? Мать Елены настаивает, чтоб до нашей свадьбы была еще помолвка. Обычай-де такой. Мы с Еленой уступили. Придешь?

– Обязательно, – отвечал Вадим, улыбаясь.

Российско-Американская компания

В четверг назначена была помолвка Ильи и Елены, а в среду состоялось годовое заседание пайщиков Российско-Американской компании.

Программа заседания была выработана такая:

1. Слово его высокопреосвященства Олимпия, архиепископа Иркутского, Камчатского и Аляскинского, почетного председателя Общества распространения православной религии среди инородцев Сибири и Северной Америки.

2. Доклад председателя Российско-Американской компании адмирала Е. В. Бывалова-Закронштадтского: «Общий взгляд на состояние дел Российско-Американской компании».

3. Доклад секретаря правления Российско-Американской компании: «Подробный отчет о финансовом состоянии компании» (доходы и расходы компании).

Архиепископ Олимпий открыл заседание кратким молением о ниспослании благодати на все дела и предприятия компании. Иеродиакон Уриил утробным басом провозгласил многолетие всем членам и пайщикам компании и в заключение проревел моление о «благогосударствии воздухов и изобилии плодов земных» (под плодами в данном случае подразумевались звериные шкуры). Певчие архиерейские спели концерт на тему «Многая лета». Затем архиепископ, не желая утруждать присутствующих, прочел по бумажке своим елейным голосом самый краткий ряд цифр, свидетельствующих о том, что в истекшем году в далекой Аляске апостольствовали во славу Церкви 23 миссионера, из коих шесть восприяли мученический венец от оспы, хлада и прочих уважительных причин (между прочим от белой горячки, о чем владыка умолчал). В лоно Церкви за истекший год принято 233 языческие души, из коих 77 мужского пола, 68 – женского и 87 – малолетних отроков и отроковиц. Затем владыка с тяжким вздыханием сообщил о прискорбном факте существования конкуренции Церквей в деле распространения христианства: миссионеры католические и протестантские всеми способами сманивают не только язычников-туземцев, но и тех, кто уже вступил в лоно православной церкви, – спаивают спиртом, дают порох и ружья, прельщают суетными дарами – бисером многоцветным, стеклярусом, медными телесными украшениями и пр., и пр. Для усиления миссионерского дела в Аляске, а также для успешной борьбы с миссионерами других вероисповеданий архиепископ испрашивал ассигновку в пять тысяч рублей.

Пять тысяч рублей были отпущены без споров, единогласно, но не только без всякого воодушевления, но даже с ироническими улыбочками и с некоторым двусмысленным покрыванием.

Потом на кафедру взошел адмирал Ермолай Венедиктович князь Бывалов-Закронштадтский и начал свою речь так:

– Ваши императорские высочества, ваши сиятельства, ваши высокопревосходительства и превосходительства, милостивые государыни и государы!

Все это он выговорил довольно бойко и уверенно. Но дальше речь его пошла хуже. Пыхтя и запинаясь, он прежде всего сообщил, что валовой доход за год равняется 120 процентов на сторублевый пай. По залу пронесся радостный вздох, вырвавшийся из многих грудей. Раздался одинокий возглас какого-то несдержанного энтузиаста: «Ого!.. Здорово!» Восклицание вызвало шипение некоторой части публики. Сконфуженный энтузиаст смолк и стал выражать свой восторг сперва тем, что радостно потирал свои колени, а потом стал тереть колени соседей.

Адмирал продолжал:

– К прискорбию моему... э-э... должен предупредить, что... э-э... что в предстоящем году предстоят... э-э... особые расходы, и, кроме того... э-э... вообще доходы компании нахо-

дятся... э-э... под угрозой, – тревога в зале, – усиливается конкуренция... Со стороны американских и английских промышленных компаний конкуренция... э-э... эта, – тянул адмирал, – к прискорбию нашему, принимает формы... э-э... совсем недопустимые. Не только, так сказать, на коммерческой почве... но дело доходит даже до вооруженных столкновений. Туземцев вооружают ружьями. Порох дают... э-э... восстанавливают против агентов компании. Были случаи посылки в наши воды корсаров, которые... э-э... вступают в открытые столкновения с судами Российско-Американской компании и... того... этого, топят даже!..

В зале началось движение. Заговорили вслух. Резко выделилось негодующее восклицание:

– Какая наглость!

С другого конца зала отозвался чей-то генеральский бас:

– Проучить мерзавцев!

У владыки засверкали гневом заплывшие глазки и правая ручка сжалась в кулачок. Он вдруг вспомнил Самсона, который ослиной челюстью перебил тьму нечестивых филистимлян.

Свой доклад адмирал закончил просьбой разрешить правлению взять из доходов компании 200 000 рублей на усиление «боевых средств» компании и, кроме того, открыть кредит по этой же статье на 20 000 рублей на случай экстренных нужд.

Оба предложения были приняты без возражения, но с явным неудовольствием.

После некоторого колебания опять попросил слово владыка, который заявил, что ввиду новых фактов, сообщенных досточтимым председателем, он обращается с ходатайством увеличить отпущенный кредит на распространение православия с 5000 рублей до... ну... хотя бы... 10 000 рублей.

Раздались сдержанные протесты, кто-то, по-видимому, от чистого сердца воскликнул: «Ого!» Но встал какой-то штатский сановник (по-видимому, синодский) и стал доказывать, что культурные нации всегда поработают некультурные, и притом главным образом с помощью религии, а потому денег жалеть на дела религиозной пропаганды нельзя.

– Всегда, – скрипел он своим сухим деревянным голосом, не допускающим возражения, – всегда впереди идет священник с крестом, за ним – купец с товарами и спиртом, а за ними – и воин с мечом!

В зале проворчали и отпустили 10 000 рублей.

Потом на кафедру впорхнул изящный молодой человек, секретарь правления, камер-юнкер двора граф Благово-Плохово, и прочел подробный доклад о добыче и убытках за истекший год. Добыто столько-то бобров, столько-то соболей, столько-то чернобурых лисиц.

Все эти цифры, говорящие о беспощадном избиении зверей в лесах и льдах далекой Русской Америки, ласкали слух собравшихся пайщиков компании. У многих даже глаза заблестели, щеки лосниться стали... Улыбались... Бобровые воротники, шапки, соболя манто, шубы на чернобурых лисицах! Увлеченные обольстительными картинками, пайщики плохо слушали скорбные цифры потерь компании. «Столько-то из служащих умерло от оспы... столько-то убито туземцами, пропало без вести, убито в боях с пиратами... Это так скучно и неинтересно!..

Оживились и стали вслушиваться, когда дело дошло до жалованья служащих. Решительно восстали и отклонили предложение правления увеличить жалованье. Общая сумма прибавок 34–40 рублей на человека показалась чудовищной, невероятной, вызвала негодование! Отклонили...

Еще больше неудовольствия вызвал вопрос о повышении пенсий старым служащим, их вдовам и сиротам.

Но тогда с трудом встал совсем ветхий адмирал Загибин (у компании за какие-то услуги на пенсии состоял), влез на кафедру, кашляя и перхая, и стал доказывать, что увеличить пенсию надо, так как служба на Севере – служба трудная. Он сам плавал. Знает... Вот нос отморо-

зил (и адмирал показал всем пальцем на свой сизый нос). Потом он стал рассказывать о трудностях охоты на китов. Потом... потом он говорил, говорил что-то и никак не мог остановиться. Под конец в зале перестали слушать старика. Начались разговоры вслух. Звонки председателя. Наконец адмирал закашлялся, закашлялся... потом махнул рукой и пошел на место.

Однако прибавка пенсии прошла. «На мороженный нос», – сострил кто-то довольно громко. Постановлено было увеличить ее кругом по два рубля на человека и предоставить правлению распределение этой прибавки по своему усмотрению – «по заслугам» пенсионеров.

Кто-то пожелал узнать, на какую сумму в год выдается пенсий. Оказалось, на 80 910 рублей...

– Многовато! – сказал вопрошавший, тяжело вздохнув.

Архиепископ тоже недовольно покрутил головой.

– Не умирают... Не хотят, – сострил краснощекий генерал Бутыркин и сам первый захотал.

– Мы живучи... Мы проморожены, – прохрипел адмирал Загибин.

В конце своего доклада секретарь сообщил, что за всеми расходами пайщики получат за истекший год дивиденда 25 рублей на 100.

После колоссальных цифр произведенных расходов никто, по-видимому, не ожидал такой высокой цифры дохода, и поэтому зал огласился шумными аплодисментами. Единогласно принято было чье-то предложение благодарить правление. Аплодисменты и крики «Спасибо!» Шум и радостный гвалт. Заседание закрыли, и веселая толпа полилась рекой по широкой лестнице вниз. Поделилась на группы – стоваривались, куда поехать подзакусить и выпить за процветание Российско-Американской компании. Прекрасное, здоровое коммерческое предприятие!.. И патриотическое, и выгодное!..

Закрытое заседание

Но не все торопились уйти – задержалось человек шесть. Из разных углов зала сошлись и стали таинственно шептаться... Дождались, пока утих последний шум, долетавший снизу, из шинельной. Как заговорщики, сгрудились теснее, и адмирал Суходольский предложил всем шестерым ехать к нему на квартиру.

– Есть серьезный разговор, – сказал он.

На квартире адмирала собрались в его кабинете. Он приказал вестовому подать чаю, потом запретил ему входить в кабинет. «Никого не принимать!» – сказал он.

Когда чай, печенье и графин рома были принесены, адмирал сам проводил вестового, собственноручно запер на ключ обе двери и вполголоса стал говорить:

– Я буду краток, господа. Вот в чем дело. Оттуда, – адмирал махнул рукой куда-то на запад, – я получил предложение задерживать во что бы то ни стало нашу колонизацию в Америке. Угрожают репрессиями и укоряют нас в бездействии... Это первое. А второе, – он еще понизил голос, – нам предлагают... одну, по-видимому, очень выгодную комбинацию. – Все придвинулись ближе к адмиралу и насторожились. – Оказывается, есть основание думать, что Аляска – второе... Эльдorado!.. Там найдены следы золота!..

– Золота?! Золота?! – зашипели на разные лады сидевшие вокруг.

И глаза у всех загорелись огнем алчности.

– Совершенно конфиденциально, – предупредил адмирал, поднял указательный палец и даже посмотрел поверх гостей на двери... Кое-кто из сидевших тоже с тревогой обернулся.

– Нам предлагают пай в обществе, в предприятии по добыче золота, организуемом пока негласно в Нью-Йорке. Но дело вот в чем: общество это не может приступить к работе, к изысканиям, пока... пока в Аляске будет хозяйничать Российско-Американская компания. Конечно, мы не сможем сразу сорвать всю работу компании, но нам предложено постепенно парализовать ее активность. Мы должны всеми мерами стремиться к тому, чтобы интересы к деятельности компании постепенно падали, чтобы правительству нашему в конце концов надоело возиться с этой Аляской. Вот, например, дурак Мериносов, – эту фамилию морского министра адмирал произнес с ненавистью, – хочет осенью послать туда, к берегам Аляски, целую эскадру. Они, конечно, это уже знают и негодуют – они считают это вызовом. – Адмирал понизил голос. – Мне пишут, что в крайнем случае они еще допускают посылку одного судна. – Адмирал криво усмехнулся. – Вот вам первая задача: не допустить посылки эскадры. Это – приказ оттуда. Это – первая услуга, которой от нас требуют и которая будет оплачена. Вы знаете прекрасно, что к обещаниям оттуда надо относиться с полным доверием...

– Мериносова надо заставить взять... абшид... отставка, – сухо сказал вице-адмирал барон фон Фрейшютц.

– Но кого на его место? – воскликнул адмирал Суходольский.

– Ну... хоть вас? – процедил сквозь зубы барон и уставил в Суходольского свои бесцветные, немигающие глаза.

– Нет-нет! Только не меня... Увольте, барон! – воскликнул Суходольский. – Я против ответственных постов. Вот если бы вас, барон?

– О! Я тоже против ответственных постов, – сухо ответил барон.

– Нам нужен министр не из наших, – сказал какой-то штатский сановник, протирая золотые очки, – но такой... знаете... чтобы в наших руках был.

Помолвка в Галерной гавани

Илья, Елена и мать Ильи были против помолвки, но Марфа Петровна настояла.

– Люди осудят, – говорила она. – Обычаев старых нельзя ломать! Вы вон поженитесь, – говорила она Илье и дочери, – да и улетите, а нам с Марьей Кузьминичной с людьми жить. Хоть соседей, да позовем. Деньги, слава богу, имеются, – хвастливо добавила она.

Помолвку решили устроить в домике Марфы Петровны (побольше в нем места было). Кроме тех почетных гостей, которые присутствовали у Маклецовых на обеде по случаю производства Ильи, Марфа Петровна пригласила еще надворного советника Петра Петровича Козырева, столоначальника в каком-то департаменте, Ульяну Петровну Пышкину с двумя дочерьми – Любинькой и Машенькой. На случай, ежели будут танцы, позвала Марфа Петровна и трех кавалеров, самых элегантных гаванских молодых чиновников, – Кожебякина, Алтынова и Левкоева.

Все они когда-то были теми «презренными собаками-сиуксами». Жан Кожебякин был в свое время вождем «сиуков» – тем самым Кровавым Клювом, которому ловким ударом когда-то разбили его «клюв» в кровь на «острове Мести». Теперь это был длинный зеленый чиновник со впалой грудью и лошадиным профилем, большой сердцеед в Гавани и лучший танцор (один сезон он даже за плату в «Шато де Флер» отплясывал). Между прочими в числе его достоинств следует отметить, что он не прочь был «пофранцузить», то есть загнуть при случае французские словечки. У него была сестрица, засидевшаяся в девицах, но еще не потерявшая надежд. Ее звали мамзель Агат (попросту Агафьей Ивановной). Она тоже была приглашена.

Весело было у Мишуриных. Вадим сумел овладеть сердцами всех гостей – был так внимателен к старым чиновникам, надворным советникам, что те от его почтительности совсем растаяли. «Примерный молодой человек его сиятельство», – отозвался о нем Петр Петрович и даже подозвал легкомысленного Кожебякина и прочел ему короткую нотацию, поставив в пример скромность поведения князя Холмского.

Вадим до того был любезен с девицами, что те млели от восхищения.

– Душка и ангел, – вот блистательный аттестат, выданный гаванскими девицами князю Холмскому.

Зная, что князь будет на помолвке, они даже альбомы свои принесли в надежде, что он напишет на память стишки какие-нибудь.

И он всем написал что-то очень чувствительное.

Ох, эти альбомы гаванских девиц! Чего-чего в них не написали гаванские кавалеры! Но в особенности отличались сами девицы: вместо «взор грустный» писали «взор гнусный», вместо «роз душистые кусты» – «раздушистые кусты».

В Любинькином альбоме Жан Кожебякин четким канцелярским почерком намахал «экспромт»:

Желаю вам я счастья земного,
Когда вы будете жена, —
И на штыке у часового
Горит полнощная луна!

В альбом Машеньке тот же поэт размахнулся таким четверостишием:

Взял листок и написал —
Верст сто тысяч отмахал!
И нигде не отдыхал!

Все о вас, Мари, мечтал!

Вадим не претендовал на такое самостоятельное творчество – он хорошо знал Карамзина, Жуковского, оттуда и взял стишки для альбома, добросовестно отметив, откуда взяты его стихи.

С молодыми чиновниками Вадим исправно пил разноцветные настойки и своим простым свободным обращением совсем покори́л их чернильные души. «Добрый малый», «простыня-парень» – вот как характеризовали Вадима юные «рыцари гусиного пера».

Устроилась кадрили. Дирижировал, конечно, Кожебякин. Мамзель Агат Кожебякина оказалась без кавалера. Брат ее, заметив, что она сидит, надувшись, подлетел к ней и заговорил с ней «по-французски», озираясь победоносно на Вадима.

– Ма сер!

– Ке? – бросила она недовольно, обмахиваясь веером.

– Пуркуа нон дансе?

– Кавалер нон вуле, – отвечала вызывающе мамзель Агат, передернув сухими плечами.

Сказала нарочито громко и кинула «гнусный» взгляд на Вадима, который стоял около протоиерея и покорно слушал тягучую, но, по мнению попа, весьма для молодых людей назидательную речь. Князь поймал красноречивый взгляд тоскующей Агаты и протанцевал с ней кадрили, не имея даже визави.

Но душой вечера был Жан Кожебякин. Развязность его – результат публичного воспитания в «Шато де Флер» – довела его до самых рискованных фокусов ногами, или, как он сам называл эти фокусы, «кренделей». Девицы хихикали, повизгивали, когда его длинные ноги, облаченные в клетчатые брюки, взлетали вверх. Молодые чиновники ржали и аплодировали. Вадим хохотал и искренне веселился. Илья хмурился и в то же время не мог сдержать улыбки. Петр Петрович Козырев, начальник Кожебякина, хотя и восхищался ловкостью подчиненного, но в то же время явно беспокоился и говорил протоиерею:

– Того и гляди, брюки лопнут.

На что протоиерей отвечал успокоительно:

– Господь милостив, авось выдержат!

Восхищенная успехами брата, который в этот день, можно сказать, превзошел самого себя, Агат обратилась к Вадиму, указывая на брата:

– Биен дансе?

И Вадим, стараясь соблюсти гаванский прононс, отвечал:

– Тре бьен.

– Э же? – спросила она кокетливо.

– Осей, – отвечал Вадим.

После танцев был ужин. И здесь, за столом, Жан Кожебякин завладел общим вниманием: девицам направо и налево говорил комплименты, угощал Петра Петровича и старых дам, рассказывал анекдоты, произносил спичи один остроумнее другого. Очаровал всех. Затмил князя. Под конец ужина предался детским воспоминаниям, рассказал, как под предводительством Ильи «делавары» украли у купавшихся «сиуксов» лодку и штаны. При слове «штаны» Ульяна Петровна зашипела и стала рассказчику глазами показывать на барышень, но Кожебякин несея уже дальше – повествовал о своем носе, разбитом в бою. Кончил свои воспоминания он патетическим обращением к Илье:

– Где же ваши «делавары», Илья Андреевич? Все на дно спустились, да там и пребывают! А мы, «сиуксы», – он сделал красивое движение рукой от своей груди к двум другим чиновникам, – мы, «сиуксы», в люди вышли.

После ужина сплясали еще польку-трамблян под аккомпанемент хоровой песни «Что танцуешь, Катенька?» – и разошлись...

...Светало. И на бледном предутреннем небе уже меркла, склоняясь к горизонту, большая круглая луна. Гости разбрелись. Матери улеглись спать, утомленные суматохой. Илья же, Елена и Вадим долго еще сидели на скамеечке у ворот дома. Сидели до тех пор, пока розовым золотом не покрылась бледная лазурь неба. Они говорили о том, что ждет их в жизни. Для Ильи и Елены все было ясно: свадьба и служба на Дальнем Востоке, у берегов Камчатки и Аляски. Илья поедет морем – ему обещали кругосветное плавание в этом году, причем эскадра зайдет в Берингово море, там он сойдет на другое судно. Елена приедет к нему сухим путем, через всю Сибирь, в город Охотск. А дальше – что бог даст!..

Вадим слушал их бодрые речи, в которых все было так ясно, и грустно молчал – у него в будущем не было ничего определенного – ничего, кроме сознания, что жить так, как живут его родители и люди его круга, нельзя и так жить он не станет. Он ненавидел монархический строй, презирал жизнь аристократии, особенно придворной. Крепостное право, на котором держалась вся тогдашняя жизнь, возмущало его до глубины души. Фантазия рисовала перед ним великолепный замок будущего человеческого счастья, основанного на началах свободы, равенства и братства. Но где пути к этому замку? Как до него добраться? И доберется ли он, князь Холмский? Вот какие мысли и сомнения волновали Вадима и грустью обволакивали его юношескую душу.

Судьба по-своему распорядилась его фантазиями и мечтами. По доносу одного из самых усердных и самых красноречивых посетителей его суббот в квартире его был произведен обыск, сам Вадим был арестован – и «в виде особой милости и в воздаяние заслуг его отца перед престолом и отечеством» мичман князь Вадим Холмский был только разжалован в рядовые матросы и определен на службу в дальневосточную флотилию «впредь до усмотрения». Предварительно до этого решения Вадим отсидел две недели в Петропавловской крепости.

На свадьбе Ильи не он был шафером. Эту почетную обязанность с успехом исполнил Жан Кожебякин.

На другой день после помолвки около домика Марфы Петровны остановилась карета. Из кареты выскочил господин, на этот раз с деревянным сундуком в руках. Он вошел к Марфе Петровне, вручил ей сундучок и пакет и поспешно скрылся. В пакете было письмо, которое подтверждало прежние сообщения, что ее муж жив, и, кроме того, было сказано, что сундучок, доставленный ей, принадлежит ее мужу и все, что в нем находится, – тоже его собственность.

Марфа Петровна дрожащими руками вскрыла сундучок и нашла там белье мужа, кое-что из его одежды, две книги, какие-то морские инструменты и больше ничего.

Посылка этих старых, по-видимому никому не нужных вещей совершенно сбита с толку Марфу Петровну. Почему у кого-то в Петербурге оказались вещи ее мужа, который сидит на Аляске?.. Что обозначает присылка этих вещей?.. Наконец, кто этот таинственный незнакомец, который знает какие-то тайны об ее муже?.. Почему он (а Марфа Петровна была уверена, что это все он) посылает ей ежегодно крупные деньги?.. Марфа Петровна растерялась совершенно.

– Главное – надо узнать, кто прислал сундук, – сказал Илья. – Он, наверное, знает какие-нибудь подробности о Павле Ефимовиче. Может быть, знает точно, где он. Это нам с Леной знать необходимо!

– Но как это узнать – вот вопрос!

– А Кузьмич? – воскликнула Елена. – Может быть, он возьмется?

– В самом деле, – сказал Илья. – Надо обратиться к нему!

– Ну конечно, к нему! – воскликнули в один голос Марья Кузьминична и Марфа Петровна.

Гаванский следопыт

Замечательный был человек этот Кузьмич, исконный гаванский обыватель.

Виду был он, правда, неказистого – на крысу немного смахивал. И голова потешная: бороденка клочками, с боков вихрастая, а посреди – плешина.

Глаза у него были острые, пронзительные, можно сказать – всякого он насквозь видел, без различия пола и возраста. Голос словно придушенный, хриплый такой. Руки всегда в работе: то сапоги чинит, то кому-нибудь на штаны заплатку ставит, то табак трет, то леску крутит... Сидит день-деньской на скамеечке у ворот и по сторонам все зыркает. Работать работает, а сам нет-нет да и зыркнет. А то и в землю смотрит, в грязь...

– Эге, – скажет и носом этак многозначительно шмыгнет, – а у Ивана-то Петровича каблук сбился.

Это он по следу узнал. Всех соседей следы знал. Такой примечательный был!

– А вот это, – говорит, – Павлушка, должно, в кабаке подрал. Гм... гм... сидит еще там. Подождем.

– Ну и почему это вы, Аким Кузьмич, все это знаете? – бывало, спросят его.

– А по следу, – отвечает, – у всякого человека след свой, а поступь разная бывает... Душа евоная в поступи и скажется. Коли ты с благоговением в храм Божий идешь, то след твой чистый будет, не сумнительный какой, ясный, от носка до каблука ровный, и торопки в нем нет. А коли ты в кабаке бежишь, след твой совсем ненормальный выходит. Вишь?.. Смотри... Бежал человек... Павлушкин след... и скривил его... во! Озирался, значит, – жена не видит ли. Опять же из кабака след совсем другой будет. Конечно, это опять же смотря сколько человек в себя пропустит. А уж во всяком случае ровности не будет... и упор больше на каблук будет. Потому носок не держит пьяного. Да и линия ломаная выходит всему следу... потому его в стороны бросает.

Проходит мимо Кузьмича Иван Петрович.

– Здравствуйте, Иван Петрович!

– Ну, здрасте.

– Позвольте, – говорит Кузьмич, – я вам каблук освежу, а то обувь спортите.

– Какой тебе черт нашептал, что у меня каблук сбился? Ах ты, хрыч старый!

– А это, – говорит Кузьмич, – мой секрет! – А сам подхихикивает. – Зайти за сапожком? К утру готов будет.

...Возвращается из кабака Павлушка. Идет гордо, прямую диверсию изо всех сил соблюдает.

Увидел Кузьмича, бодрости еще больше напускает, будто ничего... дескать, мимо кабака шел. А сам что-то к сердцу прижимает: косушку под пальто пронести хотел. Да куды, к черту, мимо Кузьмича пронесешь!

– А, Павел Андреевич! – Кузьмич ему. – Ну как там в «Капернауме» дела?

«Капернаумом» в Гавани кабак прозывался.

– А мне и ни к чему, – отвечает Павлушка этак равнодушно, а у самого глаза бегают и голос словно прерывается. – Я там сегодня не был.

– Не были? – ехидничает Кузьмич. – Хе-хе... Ну-тка угостите шкаликом. А то, не ровен час, супруга о вашем вояже осведомится.

Скрипнет зубами Павлушка и угостит.

– Опять, молодой человек, на свиданье к Серафиме Петровне стремитесь? – останавливает Кузьмич пробегающего во все лопатки мимо чиновника Эраста Капитоныча.

Купидонычем его в Гавани звали. Уж очень ухажер был!

Купидоныч останавливается и даже рот разевает от изумления.

– Удивляетесь моему всеведению? – усмехается Кузьмич. – По следку вашему узнал. От любовного жару на носок уж оченно упираете. На бегу, можно сказать, землю роете. Обратите сами внимание... Не след, а колдобинки какие-то-с! Опять же бергамотным маслицем от вас разит. Напомадились. Хе-хе! И галстучек вон небесного цвета.

Купидоныч возвращается к Кузьмичу, присаживается и нежно говорит ему:

– Ты, Кузьмич, уж зайди. Штаны там возьмешь. Заплату надо поставить. Зад просидел.

...Боялись Кузьмича в Гавани все, у кого совесть была нечиста. Дамы особенно на него злобствовали, ворчали: «И что это за чума проклятая, старик этот несчастный! Жить не дает».

И сколько раз эти дамы даже кое-кого подговаривали, чтобы Кузьмичу шею намять как следует. Да Кузьмич умел с такими «бойцами» разговаривать и так дело оборачивал, что всегда уходили они от него, хвост поджавши.

И при всем том скучал Кузьмич в Гавани до ужаста. Все-то он про всех знал. Всех-то насквозь понимал. Для него в Гавани круговорота подходящего не было! И друзей-то у него настоящих здесь не было. Из страха его кормили да в «Капернау» поили. Старые бабы колдуном его считали, лопотали, что с чертом-де Кузьмич ведается. Только, конечно, ерунда все это было. Просто такой уж у него талант был, глаз такой примечательный. Простой, обыкновенный человек тысячу раз мимо забора пройдет и ничегошеньки не приметит, а Кузьмич посмотрит.

– Эге, – скажет и носом шмыгнет (привычка такая уж у него была), – эге, гвоздь-то на заборе скривился... А вчера ровно стоял. – Все, черт старый, помнил. – Мм, – мычит, – а это что? – И тащит с гвоздя кусок нанковой материи приличного цвета. Ясно, от мужских панталон модного рисунка!

– Чьи бы это штаны? – Думает, думает, припоминает, припоминает и вспомнит: – Володькины! Ей-богу, Володьки Свистоплясова!.. Гм... А почему Володька Свистоплясов через забор лазил? – И пойдет, и пойдет... Тьфу!.. Даже самому под конец тяжело сделается. А с Володьки за починку штанов сдерет.

...Вот к этому Кузьмичу и обратилась Марфа Петровна за помощью. К себе его пригласила, графинчик водочки водвигла со всеми принадлежностями: селедочку там с гарниром, редисочки в сметанке, груздочков поставила. Ну, одно слово, все, как следует, и чай с крендельками.

Пришел Кузьмич, взором все окинул, носом шмыгнул этак многозначительно, а сам думает: «Дело сурьезное. Целкачом пахнет». Однако виду не показал. Видит – Илья с Еленой являются.

– Здравствуйте, – говорит Илья и обе руки Кузьмичу протянул.

Кузьмич, конечно, руки ему пожал и говорит:

– Здрате, гордость наша гаванская, краса гаванских палестин! Скоро плавать вокруг света отправитесь? Слышал я, что вы уж на ходу, так сказать?

– Скоро, скоро! – ответил Илья, улыбаясь.

– Милости прошу, Петр Кузьмич, к столу. Закусите, чем бог послал.

Марфа Петровна так ласково приглашала, что Кузьмич стал изумляться все больше и больше: к почету он приучен не был.

«Чего она меня так обхаживает?» – думает. «В чем дело?» – в догадках путается. «Этак по милости Господней, пожалуй, и трешницу с них сорву», – думает.

Закусил, чаю выпил. Ждет, в чем дело. Приготовился, табаку нюхнул. Носом шмыгнул. Все, как следует.

– Вот в чем дело, – тянет Марфа Петровна. – Совет ваш нужен и помощь. Дело выходит казусное.

– Внимаю, – говорит Кузьмич и голову набок скривил (всегда так слушал, ежели что важное было). А потом и говорит: – Ежели дело сурьезное, лучше бы с глазу на глаз?

– Ничего, – говорит Марфа Петровна, – все свои!

«Н-ну, – думает Кузьмич, – коли здесь столько народу интерес имеют, сорву и красненькую».

И рассказала ему Марфа Петровна все, как было: как карета приезжала, как из кареты господин вынес сундучок ее покойного мужа, ей вручил и укатил. Рассказала и про то, как в письме сказано было, что муж ее, Павел Ефимыч, жив и в плену томится.

Перекрестился Кузьмич – знал он Павла Ефимыча прекрасно.

– Ну и слава богу, что жив, – говорит. – Где же он?

– Вот мы и думаем, – говорит Марфа Петровна, – что тот, кто сундук прислал, должен это знать... В Америке, говорят, а где в точности – не знаем. Вот мы к вам, Петр Кузьмич, и обратились...

– Это что же? – говорит Кузьмич. – Мне, что ли, в Америку ехать – супруга вашего искать? Увольте, – говорит, – ни за какие коврижки не поеду!..

– Об этом мы вас и не просим, – говорит Марфа Петровна, – а вот вы узнайте, кто сундук прислал. Может, через него узнать можно все доподлинно.

Посмотрел на нее Кузьмич и говорит:

– За это дело возьмусь. Но, – говорит, – предваряю: должен все знать как на духу... Писем не присылали ли вам каких раньше? Или посылки? – Спросил, а сам смотрит в глаза ей в упор.

Замялась Марфа Петровна, потом под взглядом его и вовсе смутилась.

– А коли не хотите сказать, – говорит Кузьмич, а сам встает, – так я за это дело и братья не могу. – За шапку взялся. – За хлеб, за соль благодарствую, а помогать, – говорит, – извините, не берусь. До свиданья вам.

Повертелась, повертелась Марфа Петровна, однако все рассказала. Тут и Илья с Еленой в первый раз узнали, что Марфа Петровна два раза по тысяче рублей получала от неизвестных.

Задумался Кузьмич, а потом и говорит:

– А покажите-ка мне все записки и конверты, что у вас сохранились... Сохранили, чай? Оказывается, все сохранила Марфа Петровна. Похвалил ее Кузьмич.

Взял конверты, старые с последним стал сравнивать. Мычит... носом шмыгает... Понюхал даже... Записки прочел.

– Почерк, – говорит, – меняли. Только узнать возможно... Та же рука... женская. По записке, видать, – женщина хорошая, в вас участие принимает. И сундук, должно, от них же.

Расспросил Марфу Петровну насчет того, как тот господин из себя выглядел, который письма привозил и сундучок.

– Письма все седой привозил, а сундучок рыжий привез, – говорит Марфа Петровна. – Румяный такой... а росту одинакового.

– Ну, в парике, значит, и подкрасившись, – ответил Кузьмич. – Дело известное. Не надуеть.

Посидел, подумал, на Марфу Петровну посмотрел и говорит:

– Ну что ж! За дело ваше возьмусь. Только дело ваше казусное... Сколько же с вас за хлопоты взять?

Сказал и смотрит. Ждет.

А Марфа Петровна опять растерялась:

– Да уж, право, я и не знаю.

– «Катеньку» – меньше нельзя, – бабахнул Кузьмич и сам словно струхнул: уж очень сумму значительную ахнул.

Марфа Петровна руками всплеснула:

– Да что ты, – говорит, – побойся Бога!

– Меньше, – говорит, – нельзя. Потому дело ваше тысячное и хлопот с ним немало будет. Может, недели две сплошь повозиться придется. Да-с.

Марфа Петровна, конечно, думала, что дешевле будет стоить. Думала на красненькой отъехать. На Илью смотрит, что тот скажет.

– Хорошо... Согласны, – говорит Илья, – действуй!

– Вы-то согласны, – говорит Кузьмич, – а вон хозяйка-то помалкивает. Как она?

– Да уж согласна, – говорит Марфа Петровна и рукой только махнула: известно, жаль ей сотни-то.

– Ну, коли и вы согласны, так, значит, все в порядке, – сказал Кузьмич. – Можно и за дело приниматься. Что в сундучке-то? Чай, смотрели?

– Да пустяковина разная, – ответила Марфа Петровна, – барахло всякое.

– Ну ладно, – говорит Кузьмич. – Оставим сундук до завтра. На солнечном свету надо смотреть, а то при копилке как тут разберешь? Да и работать на свежую голову лучше, а я три рюмочки пропустил. Завтра утром зайду. А вот насчет кареты... что скажете? Собственная?

– Наемная.

– Ну а номер какой?

– Да не к чему было. Не посмотрели.

– Эх, вы! Ну а лошади?

– Разноцветные. Одна белая, другая вороная.

– Гм... Ну а карета какого цвета?

– Да синеватая такая, побитая.

– Ну а извозчик?

– Да обыкновенный, борода рыжая...

Кузьмич помолчал.

– Ну а кто еще, кроме вас, карету видал?

– Да ребятишки соседские вертелись. Ванька да Сонька Доброписцевы.

– А-а! Вот это хорошо!.. Ну-с, покедова до свиданьица. До завтра, значит.

Пошел Кузьмич домой, по дороге к будочнику Евстигнею Акимычу Громову завернул.

Будочник у будки сидел и смеялся так, что слезы у старого по мохнатым щекам текли. Алебарду свою ржавую наземь кинул. Сам сидит, а между ног у него головенка Петькина торчит – зажал Петьку коленками и заскорюзлыми пальцами своими нюхательный табак Петьке в нос сует. Петька благим матом орет, ногами дрыгает, головенкой вертит!.. А Евстигней только крепче его коленками тискает:

– Вре... сукин сын... Не уйдешь! – хрипит.

– Дяденька, пусти! – орет Петька благим матом.

– Пусти? А зачем в мою курицу камнями лукал? Попался озорник! Нна!.. Нюхай, паршивец!

Петька ревел, чихал. Слезы, сопли, табак – все это смешалось на его физиономии в какую-то омерзительную слякоть.

Подошел Кузьмич, посмотрел, укоризненно покачал головой и говорит Громову:

– Эх ты, старый барбос... Чего ты над ребенком озоруешь?.. А еще будочник!.. Страж благочиния!.. Для порядка поставлен.

Евстигней устыдился и выпустил Петьку. Дал ему на прощанье леща по заду.

– Вот это правильно, – одобрил Кузьмич. – Вот это по закону! На то и зад сотворен... А в глаза дрянь сыпать – это безобразие.

Петька отбежал на приличную дистанцию и принялся чихать.

– Спичка в нос! – флегматично пожелал ему Евстигней.

Петька издали показал будочнику грязный кукиш.

Кузьмич уселся рядом с Евстигнеем. Оба закурили трубки, и скоро облака сизого махорочного дыма покрыли обоих.

– Карета вчера к обеду приезжала, видал, чай? – спросил Кузьмич.

- Ну видал, – ответил не торопясь Евстигней.
- Номер помнишь? – спросил Кузьмич.
- Не к чему было – не смотрел, – ответил тот.
- Э-эх ты! Тетерка ты, а не будочник! – сказал Кузьмич и сплюнул.
- Сам ты тетерка, – отвечал Евстигней спокойно.

Помолчали.

– Какая из себя карета была?

– Старая... Зеленая.

– Може, синяя? – спросил Кузьмич.

– А може, и синяя. Что синяя, что зеленая – это все одно. Разницы нет! – протянул Евстигней, выпуская клуб дыма.

– Эх ты, тюря! – с презрением сказал Кузьмич. – Тысяча цветов синего есть да тысяча зеленого.

– Разговаривай тожа... тысяча! – Евстигней даже усмехнулся. – Тысяча!

– Куда карета поехала? – спросил Кузьмич.

– Ваньку Доброписцева спроси, он сзади прицепимшись ехал.

Кузьмич искренне обрадовался.

– А, Ванька! Вот это хорошо, – говорит, – Ваньку и спросим. Ну, прощай, кум, – обратился Кузьмич к Евстигнею. – Тебе, брат, не будочником быть, а чучелом на огороде торчать!

– Поговори еще, – равнодушно ответил Евстигней. – Я те дам!

Кузьмич отправился искать Ваньку.

Испугался Ванька, когда его Кузьмич за шиворот схватил и к себе потянул. Шкодливым был Ванька, а потому всегда за собой вину чувствовал.

Стал его Кузьмич насчет кареты выспрашивать – молчит, быком смотрит.

Успокоил его Кузьмич, даже грош ему дал. Наконец добился своего – все, что мог, вымотал у мальчика.

Ну да. Ванька висел «прицепимшись»... Номера не посмотрел – не к чему было. А вот пукет на карете сзади нарисован был – так он, Ванька, пока ехал, куском стекла весь пукет испоганил – всю краску соскреб.

– Молодчага! – обрадовался Кузьмич и еще грош Ваньке дал.

... А карета ехала по Большому по 17-й линии. Тут Ваньку какой-то извозчик кнутом полоснул, ну, он тогда от кареты отцепился и домой побег. Вот и все.

Утром пришел Кузьмич «на работу» к Марфе Петровне.

На всякий случай у ворот постоял – на следы кареты посмотрел. Видит, правая лошадь с одной ноги подкову потеряла. Стоит Кузьмич, на землю смотрит. Нагнулся, в травке пошарил – нет ли, мол, там чего. И что бы вы думали?... Публика собираться стала. Чиновница Авдотья Петровна Лысухина остановилась. Инвалид Сидорыч приковылял, тоже стал смотреть.

– Ты это что, Кузьмич? Аль деньги оборонил? – спрашивают.

– Тьфу! Ну и народ в Гавани! – Кузьмич даже обозлился. – Пуговица от брюк отскочила, – говорит. – Ищу вот!

Еще кое-кто подполз, тоже стали смотреть. Инвалид даже в крапиву залез, шарит – не верит, что пуговица.

Ушел Кузьмич во двор к Марфе Петровне. А там его уж ждали. Стал орудовать. Командует: «Стол тащите! Вот сюда его... на солнышко!» Притащили стол. Сундучок вытащили. Что в сундуке было, все на стол высыпали...

Начал с сундука. Вертел, вертел... Наконец обратил внимание на то, что в одном углу нацарапана цифра 1, в другом – 8, в третьем – 1, в четвертом – 9. На крышке сундука нашел еще рисунок: какой-то домик, будто на горке, и крест около.

В подкладке жилета нашел трубочку из бумаги. И на бумажке опять – 1819. А в морских книгах буквы некоторые подчеркнуты словно.

Взял Кузьмич трубочку бумажную и две книги, домой их понес. Велел сундучок припрятать и все, что в нем, – тоже.

...Дня через два приходит Кузьмич туча тучей.

– Ну что? – спрашивает Илья.

– Ерунда вышла. Бился, бился, все подчеркнутые буквы выписал, под них цифру 1819 подставил так и эдак. И навыворот ставил: 9181. Чепуха выходит! Тарабарщина какая-то! – И Кузьмич протянул Илье бумажку.

Илья прочел: «Шестьдесят пять двенадцать девять сто пятьдесят сорок пять Юноа никханат норд крест сюд три».

– Счет какой-то, что ли, цыганский? – говорит Кузьмич.

Ничего не сказал ему Илья, задумался над бумажкой. Потом вдруг вскочил, по лбу себя треснул. Побежал домой, карту Северной Америки притащил и по ней пальцем стал тыкать, долготу и широту искать.

– Или здесь, – говорит, а сам на других смотрит, – или здесь... или сорок пять, или сорок и пять. Как читать?

Никто ничего не понимает. Во все глаза смотрят, куда палец Ильи уперт. А там, на карте, – место пустое: ни горы, ни города нет! Пусто, белая бумага! Вот оказия!

Кузьмич и говорит:

– Ну, верно, на этом месте и найдете либо Павла Ефимыча, либо клад какой! Поезжайте, авось что и найдете. Ну а я насчет каретки отправлюсь.

Неделю пропадал Кузьмич. Явился наконец, даже с лица спал. Однако ухмыляется и радостно носом шмыгает.

– Узнал! Все кареты питерские пересмотрел, со всеми извозчиками знакомство свел. Потрудились, одно слово!.. Те, что деньги вам посылают и сундучок, живут на Сергиевской, в доме номер девятнадцать, квартира четыре, а по фамилии Неведомские... Сам-то был морской капитан в отставке...

– Капитан Неведомский! – воскликнула Марфа Петровна. – Да ведь это командир моего мужа! «Тюленем» командовал.

– Може, и он, – сказал Кузьмич, – только он померши... недели две как померши... А осталась супруга его и сын. Взрослый... служит уже... Ее звать Валентина Ивановна, а сына – Владимир Анатольевич.

– Ну да! Так и есть! Капитана-то звали Анатолием, кажись, Павловичем, что ли?

Наступило молчание. Первая заговорила Марфа Петровна:

– Ну что ж теперь делать?

– А вот что делать, – сказал Кузьмич. – По справкам, люди они душевные. Коли хотите спокойно свои деньги получить, сколько там вам назначено, сидите спокойно, молчком, будто ничего не знаете. А коли узнать что хотите – может, они и знают, – то ехать надо для разговоров обязательно. Хотите, и я с вами поеду?... От меня не отвертятся! Потому я сам крючковат. Так прямо в лоб им и вдарить. Авось что и узнаем. А вообще ехать вам одной не годится, потому здесь как хотите, а, – Кузьмич понизил голос, – уголовщиной пахнет. Носом чую, – добавил он и так при этом носом дернул, что Марфа Петровна даже вздрогнула.

...В ближайшее же воскресенье Марфа Петровна и Кузьмич стояли у дверей, на которых сверкала медная дощечка с надписью: «Анатолий Павлович Неведомский».

Кузьмич решительно дернул ручку звонка. Камердинер раскрыл дверь.

– Валентину Ивановну Неведомскую надобно видеть, – сказал важно Кузьмич.

Он на этот торжественный случай даже у Петра Петровича его новый вицмундир выпросил, в бане помылся, побрился – словом, вид имел аванажный.

– По какому делу? – сухо спросил камердинер. – Ежели по бедности...

– По делу личному и не терпящему отлагательства, – продолжал свою линию Кузьмич.

– Как доложить? – спросил камердинер.

– Доложите: Аким Кузьмич Дерунов... со сродственницей. Так и скажите: Дерунов, мол. Камердинер не ввел их в переднюю. Дверь перед носом захлопнул.

– Он? – спросил Кузьмич.

– Он самый, – заговорила Марфа Петровна. – И рост, и баки, и голос...

Камердинер открыл двери и ввел молча Марфу Петровну и Кузьмича в переднюю. Хотел Марфе Петровне помочь салоп снять, да она законфузилась, не далась – сама из салопа вылезла, сама и на вешалку повесила...

Вошли в гостиную. Не очень чтоб большая комната была, однако убрана великолепно. Мебель мягкая. Ковры на полу... На стенах картины. Вазы в углах наставлены китайские.

Сидит Марфа Петровна еле жива, на самом кончике кресла. А Кузьмич даже развалился этак вальяжно. Храбрость напускает.

Вошла седая дама, вся в черном, бледная; грустно так на вошедших посмотрела и спрашивает:

– Что угодно? Я – Валентина Ивановна Неведомская.

Кузьмич подскочил и рекомендуется:

– Дерунов Аким Кузьмич, а это – сродственница моя, госпожа Мишурина. Вашего покойного супруга штурмана, без вести пропавшего, супруга... – Говорит, а сам глазами хозяйку ест.

Как только дама фамилию Мишуриной услышала, сразу в лице переменялась и даже обе руки вперед протянула, будто для самозащиты. Потом собой овладела, лицо приветливое сделала и даже улыбнулась будто.

– Чем могу вам служить? – спрашивает.

– Ну, Марфа Петровна, расскажите, в чем наше дело, – говорит Кузьмич.

– Дело наше в том, – говорит Марфа Петровна, – что я от вас, сударыня, недавно сундучок получила моего мужа...

Хозяйка опять смутилась и даже перебила Марфу Петровну:

– Позвольте!.. При чем же здесь я? Никакого сундучка я не посылала.

Растерялась Марфа Петровна, на Кузьмича смотрит – не знает, что дальше говорить.

Кузьмич видит, дело плохо, сам вмешался, говорит:

– Сударыня, мы доподлинно знаем, что и деньги, две тысячи, и сундук посланы вами. Да вы не беспокойтесь... Мы люди смирные, очень вам за все благодарны, а главное – пришли узнать о судьбе мужа Марфы Петровны. В ваших письмах неоднократно вы утверждали, что он-де жив. Теперь вещи его в ваших руках оказались. Ясно, что вы о супруге Марфы Петровны знаете больше, чем она сама... Сударыня, мы знаем, что вы потеряли супруга своего недели две назад. Войдите же в положение женщины – она перед вами, – Кузьмич показал на Марфу Петровну, – которая четыре года не знает ничего о муже! – И Кузьмич из кармана платок красный вытянул и к глазам приложил.

Во время речи Кузьмича хозяйка медленно поднималась, крепко держась за кресла обеими руками, словно упасть боялась. Пока Кузьмич глаза вытирал, она уже стояла, без кровинки в лице, без движения, как статуя мраморная, смотрела куда-то поверх Кузьмича и Марфы Петровны.

Когда Кузьмич комедию с красным платком окончил и в карман его засунул, заговорила она, заговорила холодно, бесстрастно так:

– Тут есть тайна, – сказала она, – тайна, которую я не могу вам открыть... потому, что я сама ничего не знаю. Мой покойный муж унес ее с собой в могилу... Одно могу сказать: эта

тайна, по-видимому, очень мучила моего мужа... может быть, ускорила его смерть!.. Почему-то мой муж считал себя в долгу перед вами и вашей семьей, и по его желанию я послала вам деньги. Он считал, что этот долг равняется шести тысячам рублям. Я вам выслала две тысячи – остается вам дополучить четыре тысячи. Если желаете, я могу внести эти четыре тысячи в течение ближайшей недели, и тогда денежные отношения наши будут закончены. Что касается сундука, то он все время был у моего мужа. Почему, я этого не знаю. Перед смертью он распорядился о пересылке его к вам. Вот все, что я знаю.

Марфа Петровна поднялась. Но Кузьмич удержал ее:

– Конечно, сударыня, Валентина Ивановна! В таком случае, ежели тайна унесена вашим супругом, так сказать, в другой, горный мир, нам, прозябающим пока в земной юдоли, делать больше нечего. Но вот... позвольте вас задержать. Во-первых, конечно, нам желательно получить четыре тысячи, как вы изволили сказать, в течение ближайшей недели – это первое. А второе, не можете ли вы сказать, эта сумма в шесть тысяч рублей какими документами установлена или так... на глаз... произвольно?

Неведомская ответила сухо:

– Деньги я пришлю вам в течение недели, а на ваш вопрос могу только сказать: ничего больше не знаю. Муж сказал: шесть тысяч рублей, вот и все.

«Пиковые короли» за работой

Вопрос о посылке эскадры в «сферах» запутался. Ловко с разных сторон надели на министра Мериносова – пришлось ему отказаться от «блестящей» мысли устроить мировую демонстрацию.

Вместо эскадры решено было послать один фрегат. Выбирали, выбирали и выбрали самый старый – давно его из списка судов собирались вычеркнуть. Затянулось дело и с назначением командира. Мериносов предлагал своего любимца Накатова, другая партия проводила Налетова, третья – немецкая – Зиммеля. Волны интриг докатились до Зимнего дворца. Великие князья втянулись в эти вопросы, друг с другом поругались, лезли к императору. Надоели тому.

...Вице-адмирал барон Отто фон Фрейшютц позвал своего сына, мичмана, в кабинет, закрыл тщательно двери и сказал по-немецки:

– Карл! Ты всегда был хорошим сыном. Я всегда был доволен тобой. До сих пор ты с честью нес высокое звание барона. Теперь на тебя возлагают поручение, которое может иметь большое значение для всей нашей фамилии и для всего нашего рода. Карл! Ты знаешь, что наша фамилия бедна. Это великое ее несчастье. Чтобы поднять ее на должную высоту, надо иметь много денег. Я уже стар. Что можно было сделать для нашей фамилии, я все сделал в течение всей моей жизни. Теперь очередь за тобой. – Он помолчал. – Я должен открыть тебе одну тайну. Это тайна не только для твоих ближайших друзей, но и для твоей матери, для твоего брата и сестер... Существует общество в Америке... секретное! Носит оно странное название – «Коронка в пиках до валета». Члены его разделяются на четыре категории: тузы, короли, дамы и валеты. Члены рассеяны по всему миру, имеются и в Санкт-Петербурге. Между прочим... и я – член этого общества. Узнаем мы друг друга, показывая одну из фигурных карт пиковой коронки. Лозунг общества: «Коронка в пиках». Что касается цели общества и способов достижения этой цели – это тебя мало касается. Помни одно мудрое правило: цель оправдывает средства. Твоя цель – благополучие рода баронов фон Фрейшютц, а какими средствами оно будет достигнуто – это неважно. Ты вступаешь в наш союз в чине «валета». Вот тебе и соответствующая карта, – и барон вручил сыну игральную карту с изображением пикового валета. – Возьми ее и носи всегда с собой. В трудные случаи жизни она может тебе помочь... Исполни все, что прикажут тебе пиковые тузы или короли. Дамы в нашей игре стоят в одном ранге с валетами, – старый барон засмеялся. – Но все же помни: пиковые дамы – это твои союзники в игре. В кругосветное плавание отправляется фрегат. Ты пойдешь на нем... тебя посылает «Коронка в пиках». Нам нужен на фрегате свой. Помни, что эта авантюра с посылкой военного фрегата нам невыгодна и, кроме того, нам опасен капитан Накатов. Надо все это скомпрометировать. Но разумеется... тонко! Карл! Это не будет веселая прогулка. Предстоят опасности, может быть, и смертельные. Но я полагаю, что ты достаточно ловок и умен и потому сумеешь вовремя избежать их.

Барон помолчал и потом спросил:

– У тебя есть какие-нибудь вопросы... или сомнения?

– Никаких, – ответил сын.

И старый Отто фон Фрейшютц поцеловал в лоб Карла фон Фрейшютца, и разговор отца с сыном на этом кончился.

– А, Орест Павлович! Здравствуйте! Садитесь. Закуривайте, – покровительственно, но с оттенком дружелюбия говорил адмирал Суходольский, протягивая руку вошедшему в его кабинет капитану 1-го ранга Накатову. – Садитесь, садитесь! Рассказывайте, как дела. Вы что же, назначены командиром «Дианы»? Плывете в Берингово море?

– Почти назначен, ваше превосходительство! Морской министр, по-видимому, этого хочет, – ответил Накатов, не скрывая своего удовольствия.

Адмирал сидел за своим письменным столом. Перед ним на столе лежали четыре карты: пиковый туз, король, дама и валет. Адмирал как будто рассеянно слушал Накатова и постукивал углом указательного пальца по физиономии пикового короля.

Молчал.

Молчал и капитан Накатов. Стал чувствовать себя неловко... Наконец адмирал поднял на него свои усталые бесцветные глаза, и легкая улыбка прозмеилась по его сжатым губам... Он опять заговорил:

– Ну и что же? Вы были бы рады, если бы это назначение состоялось?

– Конечно, ваше превосходительство! – воскликнул капитан Накатов.

Ему почему-то показалось, что адмирал Суходольский, вообще к нему благоволивший, сейчас скажет: «Ну и отлично! Я постараюсь это назначение вам устроить».

Но адмирал сказал совсем другое:

– Ну а я вас с этим назначением не поздравляю!..

Капитан Накатов сделал изумленное лицо.

– Я бы на вашем месте, – продолжал адмирал, – отказался. Вы, голубчик, и так на виду... Вас ценят... Вы можете быть командиром царской яхты. Это можно было бы устроить. – И адмирал пытливо взглянул на гостя.

Накатов смешался. Он понял, что у адмирала Суходольского имеется другой кандидат на место командира «Дианы». Что тут делать? Влетел!..

– Опасная и бесполезная авантюра, – цедил сквозь зубы адмирал Суходольский, смотря куда-то в сторону. – Я говорю не о кругосветном плавании, – добавил он, – а об этом плавании к берегам Камчатки и Аляски. А особенно нелепы и опасны те специальные поручения, которые вам будут даны... Кстати, вы слышали последнюю новость? Эскадра не пойдет. Пойдет один ваш фрегат, и притом, – адмирал понизил голос, – самый дрянной из существующих. Невелика честь и радость командовать таким судном, которое от первой бури развалится.

И адмирал Суходольский стал усиленно стучать пальцем по голове пикового короля.

– Но... я уже дал согласие, – растерянно говорил Накатов. – Мне сейчас уже нет возможности отказаться... Вот если бы вы, ваше превосходительство, оказали давление на адмирала Мериносова, чтоб он сам...

– Я с Мериносовым не имею отношений, – сухо прервал Накатова адмирал. – Да и вообще... скоро с ним никто не будет иметь отношений – он висит на волоске... Император очень недоволен его глупой затеей... с этой эскадрой.

Накатов сидел как на иголках.

Адмирал посмотрел на него, усмехнулся и сказал:

– Впрочем, это ваше дело. Но я бы не взял этого поручения. Я отказался бы...

– Почему вы, ваше превосходительство, раньше не сказали мне ни слова?! – простонал Накатов.

Адмирал встал, пожал плечами и сказал:

– Я сам недавно узнал!..

Он протянул руку Накатову и сказал:

– Привет вашей тетушке. Она ведь тоже, кажется, против вашего плавания? И супруге привет. Такая чудесная женщина, и бросать ее на три года! Удивляюсь вам! – Он покачал головой.

– Ну... до свиданья! – Накатов распрощался.

– Может, еще передумаете? Советую! – крикнул вслед уходящему Накатову. Потом вперился глазами в пиковую коронку, лежавшую перед ним на столе.

Часть вторая

В путь-дорогу!

21 октября 1828 года фрегат «Диана» отходил от Кронштадта в кругосветное плавание.

Маршрут пути был установлен следующий: Портсмут, остров Мадейра, мыс Доброй Надежды, Мельбурн, Гонконг, Нагасаки, Охотск, Петропавловск, Сан-Франциско, мыс Горн, Рио-де-Жанейро, Портсмут и Кронштадт. Плавание было рассчитано на три года. Целью этого плавания было утверждение русского владычества на берегах Америки. Кроме того, плавание вокруг света должно было быть школой для молодых офицеров. Поэтому на палубе «Дианы» Илья встретил довольно много своих товарищей по выпуску. По преимуществу, в это плавание попали те, у кого была хорошая протекция.

Так в командном составе оказались граф Олег Потатуев, князь Борис Чибисов-Долгоухий, барон Карл фон Фрейшютц... Илья попал на фрегат, так как по его просьбе он был назначен в состав дальневосточной флотилии и обязан был в Охотске перебраться на борт шхуны «Алеут»... В числе четырехсот человек нижних чинов «Дианы» рядовым матросом зачислен был и «разжалованный мичман» князь Вадим Холмский, который должен был «ревностной службой» в дальневосточной флотилии добиться возвращения себе офицерского звания, «утраченного по легкомыслию», как сказано было в «милостивом» приговоре военноморского суда. Кроме того, на «Диане» плыли и посторонние лица: до Мельбурна – русский консул с супругой и миссионер отец Спиридоний – в Аляску для распространения там православия.

...Наступил торжественный и трогательный момент прощания отплывающих с друзьями и родственниками, явившимися на проводы. Погода была мерзкая: моросил холодный дождь, кружились редкие снежинки... Тем не менее моряков провожать собралось очень много всякой публики... Палуба пестрела платками, шляпками, зонтами, военными и штатскими головными уборами.

Мичманы-аристократы были окружены цветником разодетых дам и девиц. Около них сверкали генеральские и адмиральские мундиры. Видны были кресты, звезды, ленты через плечо...

Илья держался в стороне от этой шумной толпы. Он тихо и грустно разговаривал с женой, матерью и тещей. Все были серьезны и молчаливы. Марья Кузьминична была само воплощение горя! Она оставалась надолго – на три года – одна; свое единственное сокровище она отдавала морю, тому ненасытному морю, которое пожрало когда-то и ее отца, и ее мужа!

На самом носу фрегата, вдали от всех, стоял «матрос» – князь Холмский. Его провожал только старый камердинер Фрол Саввич. Родители на проводы не приехали – не хотели «сражаться» – и дочерей не пустили.

Старый Фрол топтался около Вадима, гладил его дрожащей рукой и сквозь слезы говорил только: «Князенька... милый князенька!.. Господь тебя спаси и помилуй...» (Старик считал себя виновником «гибели» Вадима – не донес вовремя!) Вадим стоял бледный и неподвижный и смотрел сухими глазами в туманную сырую даль, в которой тонули церкви Кронштадта, дома и грозные укрепления фортов.

Но вот наступил и час отплытия.

– Очистить палубу! – раздалась команда с мостика.

Соловьями застрекотали в ответ на эту команду боцманские дудки, и палуба вдруг до избытка переполнилась публикой – все выползли из разных углов, из кают... Отовсюду вылезли люди разных полов, возрастов и социальных положений. Все это вдруг смешалось в одну толпу, все вдруг заговорило. Послышались одиночные рыдания, раздались истеричные крики. Боцманские дудки не могли покрыть гомона этих взбудораженных голосов. Бабы голосили уже во всю глотку.

Старый Фрол торопливо крестил Вадима, и тот вдруг прижал старика к груди и прильнул влажными устами к его седой, трясущейся голове.

Марья Кузьминична, крепившаяся все время, не уронившая ни одной слезы, вдруг на груди Ильи потеряла сознание без крика, без слез... Ее подхватили Елена и Марфа Петровна. Еще один момент... и пестрая струя провожавших полилась по трапам вниз, в катера, в лодки, которые держались у левого борта.

– Все наверх! – скомандовал командир вахтенному офицеру.

– Свистать всех наверх, с якоря сниматься! – скомандовал вахтенный.

Опять зарокотали дудки, и по палубе суетливо забегали теперь уже одни матросы.

– На шпиль! – скомандовал старший офицер. – Гребные суда – к подъему! Трап – к подъему! Крепить орудия! – Слова команды следовали одно за другим.

И вот «Диана» освободилась от всех связей с родной землей, и ровно через четыре минуты она как-то сразу вся сверху донизу оделась в свое белоснежное парусное одеяние и, слегка наклонившись, тронулась с места стоянки. Кронштадт и бесчисленные лодки с провожавшими куда-то вдруг стали отодвигаться, уменьшаться и постепенно тонуть в сером промозглом тумане.

Прощальный салют из судовых орудий. Ответный – с верков форта, и церемония прощания окончилась.

– Ну и погода! Собака, а не погода!.. Пойду в кают-компанию. – И старший офицер Степан Степанович Гнедой, толстенький старый холостяк, покатился в кают-компанию, потирая на ходу озябшие руки.

...По серому небу низко неслись рваные тучи. В снастях фрегата завывал резкий упорный норд-ост, кренивший «Диану» на левый борт. За Кронштадтом начало покачивать, и белые зайчики забегали по грязным взбудораженным волнам Финского залива. Палуба опустела: кто побежал переодеться (промокли все под дождем еще в Кронштадте), кто в кают-компанию погреться. Оставшиеся на палубе облеклись в дождевики и зюйдвестки.

На капитанском мостике маячили только три фигуры – командира, вахтенного и старого штурмана Ивана Ивановича Рулева, который напрягал все свое зрение, чтобы сквозь густую сеть мелкого дождя как-нибудь не пропустить маяки.

Прошли Толбухин маяк и сразу попали в безбрежное море тумана. Ветер заметно крепчал, и старый корпус «Дианы» под напором волн стал поскрипывать и вздрагивать.

– Вперед смотреть! – раздалась команда с мостика.

– Есть смотреть! – донеслось откуда-то издалека, с самого носа.

У бушприта в особых корзинках сидели караульные, которые должны были смотреть вперед и следить за встречными судами.

Пассажиры «Дианы»

«Диану» стало покачивать основательно. Вдруг на палубу выбежал из своей каюты консул, плывший в Мельбурн. Бледный подбежал он к капитанскому мостику и стал неистово кричать:

– Господин командир! Господин командир! Бросьте якорь, моей жене дурно!

Командир сперва не понял его, но, поняв, сердито отвернулся.

Консул кинулся к борту, нагнулся над водами Финского залива и через минуту, зеленый, убежал в каюту. И на смену ему на пустой палубе появились две мрачные фигуры в рясах. Судовой иеромонах Паисий вывел на чистый воздух своего сотоварища Спиридония, которого от качки стало «травить» в каюте. Спиридоний в первый раз плавал в море и потому почувствовал себя дурно сразу же за Кронштадтом. В душной каюте, иллюминаторы которой были задраены, он скоро совсем раскис и с ужасом заметил, что качка выворачивает его кишки. Паисий, уже побывавший в море, вывел его на воздух, но здесь Спиридония постигла новая беда – он не смог устоять на месте, его стало мотать: побежит к одному борту, потом вдруг дерет к другому. Стал Паисий гоняться за ним, но изловить не мог. Между тем Спиридоний поскользнулся и грохнулся на палубу. Теперь он уже не бегал, а попросту катался по склизкой палубе – от борта к борту. Стукнется головой об один борт – заорет: «За що? Господи! За що?!» (украинец был) – и катится к другому борту. Треснется об этот борт – опять заорет: «За що?! За що?!»

С капитанского мостика смотрели с любопытством на эту сценку и даже с некоторым злорадством, особенно старший штурман. Все были недовольны присутствием этого лишнего пассажира: суеверные моряки побаивались, что обилие священных особ на корабле может ему принести несчастье – испортит весь вояж. К тому же Спиридоний не вызывал никаких симпатий. Носились слухи, что его послали просвещать аляскинских туземцев не потому, что он был красноречив или знал туземные языки, а потому, что он проштрафился – уличен был в поступках, «не соответствующих монашескому званию». Но это бы еще ничего! А просто «равноапостольный» (так прозвали его мичмана) всем успел надоесть: забрался на «Диану» за неделю до отхода и для практики в апостольском деле стал надоедать всем усердными попытками насадить нравственность и благочестие, особенно среди морской молодежи. Они, впрочем, открыли способ отделяться от назойливого монаха: надо было поднести ему стакан мадеры или показать какой-нибудь пикантный рисуночек, и он тогда успокаивался.

Совсем иначе держал себя на корабле Паисий. Это был хмурый монах, который уже сделал два кругосветных путешествия. За все это время он ни разу не сошел на берег – все в своей каюте сидел. Отправит все богослужения – и марш к себе в каюту, а дверь – на ключ! Пообедает в кают-компани и опять к себе! Когда молодые мичмана приставали было к нему с предложением сойти на берег и посмотреть на хорошеньких туземок, Паисий хмурился, отмахивался и говорил:

– Голые! Соблазн! – И замыкался в свою каюту.

Оба предыдущих плавания оканчивались тем, что под конец он окончательно спивался, но это не мешало ему справлять все положенное по уставу службы. Лучшего иеромонаха и не требовалось для военного корабля – никому под ноги он не попадался. Наоборот, «равноапостольный» Спиридоний лип ко всем и всюду нос совал, надоедал!

Появление Спиридония на фрегате причинило огорчение и Паисию: Спиридоний был помещен в его каюте и, конечно, вследствие этого совершенно нарушил весь тот режим, который был дорог Паисию. Прежде всего Паисий не мог теперь наслаждаться одиночеством: половина путешествия (до Аляски) была для него отравлена присутствием в его каюте назойливого Спиридония. И характеры у обоих священнослужителей были совсем различные. Однако из

человеколюбия Паисий постарался скрыть свое недовольство и стал возиться со Спиридоном, как только «Диана» отошла от Кронштадта и того стало качивать. Наконец ему стало невмоготу, и он вывел страдающего собрата на палубу, где и предоставил его в жертву своенравной игре стихий.

Спиридоний катался по мокрой палубе и вопил о помощи. Паисий обратился к вахтенному. Тогда, по распоряжению начальства, матросы изловили Спиридонию, привязали («гайтовали») к грот-мачте, голову прикрыли зюйдвесткой, на плечи возложили дождевик. В общем получилось такое чучело, что матросы фыркали, пробегая мимо «великомученика».

На следующий день по просьбе Паисия страдальца перевели в лазарет, к великому недовольствию доктора и в особенности мрачного фельдшера Зворыкина... «Весь лазарет батька изгадил», – жаловались друг другу огорченные эскулапы.

Между тем море разбушевалось не на шутку. Белые зайцы носились по волнам, как безумные... Ветер из «свежего» превратился в «штормовой»... Фрегат стонал и грузно переваливался с волны на волну. Берегов не было видно. Не видно было и маяков – мешал частый дождь. Старый штурман не спал вторые сутки и волновался, не сходя с мостика.

На траверзе Ревеля вода сделалась зеленой – сказалась близость настоящего моря. Но буря не стихала. «Диана» резала волны, зарывалась носом в пену. Она шла без брамселей и лиселей с зарифленными парусами. Время от времени с капитанского мостика в рупор кричали: «Вперед смотреть!» – и в ответ с носа отдавалось: «Есть смотреть».

...У берегов Дании сделалось теплее, но погода все еще была «свежей». Одно утешение – дождь перестал, и сквозь серые тучи время от времени стали проглядывать клочки голубого неба. Изредка прорывался даже луч солнца, и тогда на душе делалось отраднее.

Но здесь, в проливах, идти при свежем ветре было особенно трудно: приходилось лавировать от камней одного берега до камней другого. И, кроме того, каждую минуту можно было столкнуться со встречным судном. А их в проливе было немало.

– Купец наваливается, ваше высокоблагородие! – то и дело орал командиру в его каюту вахтенный матрос.

И командир бросал все, бежал на мостик. Начиналась ругань с «купцом» на всевозможных языках. Эта отборная ругань в рупор и без рупора иногда, казалось, покрывала рев ветра и моря. Потом корабли благополучно расходились, и страсти на капитанском мостике утихали до новой встречи.

В Немецком море ветер не стих, но переменился – сделался противным. Чтобы добраться до Портсмута, пришлось десять дней болтаться в море, лавировать, то подходя к самому берегу Англии, то уходя чуть ли не к берегам Голландии.

– Завтра утром, надо думать, дойдем до Портсмута, – сказал наконец штурман Иван Иванович. – Отоспимся. Тяжелый был переход, черт возьми!

У берегов Англии

Раннее утро. Еле брезжит рассвет. На баке бьют две склянки (пять часов) – время, когда встает вся команда. Боцман прикладывает руку к околышу фуражки, надетой на затылок, и торопливо спрашивает вахтенного начальника:

– Прикажете будить команду, ваше благородие?

– Буди, – говорит вахтенный, для проверки поглядывая на свои часы.

Долгий протяжный свист дудки и отчаянный крик: «Вставать! Койки убрать! Живваа!»

Через десять минут вся команда, умытая и одетая в рабочие рубахи, стоит уже во фронт и хором подхватывает слова молитвы. После молитвы – завтрак – каша, с сухарями чай. Потом начинается генеральная чистка палубы. Боцмана и унтер-офицеры поощряют матросов крепкими и замысловатыми ругательствами, а иной раз и зуботычинами. Матросы скребут палубу камнями, скребками, голяками, песком... Метут, обливают палубу водой из парусиновых ведер и из брандспойтов. После уборки палубы берутся за такелаж, за орудия. Подтягивают ослабевшие снасти, закрепляют веревки... Толченым кирпичом, пемзой, тряпками чистят на корабле все медные части, а также и орудия, все должно гореть, как огонь!

Среди этой толпы суетящихся матросов, боцманов и унтер-офицеров катается с одного конца фрегата до другого кругленький старший офицер Степан Степанович Гнедой. Добрый он человек, но так и лезет всюду с кулаками! Любит драться! Считает это принципиально необходимым. Сегодня он волнуется особенно. Еще бы! «Диана» входит в английский порт, пройдет мимо военных английских судов!.. Там во все глаза будут смотреть, в каком порядке русское судно! Поэтому на такой экзамен «Диана» должна явиться в полном блеске: реи должны быть вытянуты, как стрелы, паруса натянуты. Надо молодцом стать на якорь! Надо паруса спустить не более как в четыре минуты. С шиком чтоб!

– Это что? – с ужасом, выпучив глаза, не кричит, а хрипит Степан Степанович, показывая унтер-офицеру на палубу...

– Пятно, ваше высокоблагородие! – отвечает с трепетом унтер-офицер, на всякий случай отводя свою усатую физиономию подальше от кулаков недовольного начальства.

– Выскоблить!! Чтоб его не было! – орет старший офицер и вдруг закидывает голову кверху: показалось, что какой-то «конец» не закреплен – болтается! Так и есть, болтается!

– Что ээто? Что ээто? – не своим голосом вопит Степан Степанович и в полном отчаянии хватается за голову. – Уморить меня хотите?! Черти! Дьяволы! Позор! Посрамление! Англичанам на посмех! Марш наверх! Закрепить конец! – И он хватает первого попавшегося матроса за шиворот. – Марш наверх, сукин сын! Мерз... – До конца он, однако, не доругался, так как оказалось, что за ворот он держит... князя Холмского. Тот босиком, в грязной рабочей куртке, как раз около него тер палубу шваброй.

Увидев, кого он зацепил, Степан Степанович совершенно растерялся и даже нечаянно первый руку к козырьку приложил.

– Извиняюсь, князь, – сконфуженно пробормотал он.

– Я – рядовой, ваше высокоблагородие, – отвечал Вадим, вытягиваясь перед начальством и отдавая честь у козырька, – а потому вы вправе меня не только называть сукиным сыном, но и по зубам бить. – И, сделав поворот налево кругом, он полез на ванты к проклятому «концу».

Этот эпизод совсем испортил и без того дурное настроение старшего офицера. Он посмотрел растерянно вслед Вадиму и вполголоса выругался по-матросски, крепко и заковыристо. Боцман крякнул и из сочувствия к начальству сказал:

– Есть, ваше высокоблагородие!

– Черт их возьми, – ворчал старший офицер, отходя в сторону, – сажают на судно этих графчиков да князьков, да еще разжалованных! Сегодня он – разжалованный, а завтра тетенька припадет «ко стопам» – и адмиралом будет! Всю тебе жизнь испортит!

Положение Вадима на фрегате было действительно странное. Официально командиру было приказано обращаться с разжалованным мичманом строго, как с «политическим преступником», и следить за ним неусыпно. Неофициально сам министр и кучка дам из высшего света просили его быть с Вадимом «помягче», «поласковее». Сиятельные товарищи избегали его, как зачумленного, и фыркали при встрече. Боцмана били по зубам всех подряд, но, дойдя до Вадима, почтительно опускали свои мохнатые кулаки. Матросы держались от Вадима в стороне, – одни были настроены определенно враждебно, так как он против царя бунтовал, другие, недовольные царскими порядками на суше и на море, хмуро всматривались в Вадима и не могли решить, свой он человек или чужой, «всурьез» он бунтарил или блажил так – «от жиру».

Илья пытался было удержать с ним старые дружественные отношения, заговаривал с ним несколько раз, но Вадим вытягивался перед ним во фронт и отвечал односложно: «Есть, ваше благородие» или «Никак нет». И этим обрывал все попытки Ильи. Кроме того, командир как-то вызвал Илью и сделал ему выговор за попытки разговаривать с разжалованным. Только Спиридоний безбоязненно лез к Вадиму с назидательными беседами на тему о вреде суетности, о великом значении православия и самодержавия. Вадим холодно-почтительно выслушивал все эти нравоучения и отвечал монаху свое неизменное: «Есть, ваше преподобие», «Слушаюсь», «Так точно».

Но вот фрегат убран. Команда сняла свои рабочие костюмы и приделась.

– На флаг! – командует вахтенный.

Все смолкает... Ждут... Сигнальщик стоит с минутной склянкой. Старший офицер с часами в руках следит за минутной стрелкой. Песок пересыпается из одной половины банки в другую.

– Флаг поднят!

Все обнажают головы. На мачту быстро взлетает белый флаг с синим андреевским крестом. Командир торжественно принимает рапорты, обходит фронт, здоровается с командой... Церемония кончилась. И так происходит каждое утро. Потом все расходятся. День начался.

Портсмут

«Диана» легко и плавно входит в широкую гавань, проходит мимо строя могучих британских кораблей: фрегатов, корветов. Пушечные салюты. Салюты флагами.

– Пошел все наверх! На якорь становиться! – раздается команда.

Пронзительный свист боцманских дудок, и тяжелый якорь бухается в воду, подымая на сажень ленивый всплеск воды.

Как по мановению волшебного жезла на «Диане» вдруг падают все паруса. Чисто стали! Лихо! У начальства отлегло от сердца. Команда – и та радостно ухмыляется.

– Лихо! Молодцы! – радостно твердит направо и налево старший офицер. – Не подгадили! Спасибо!

Через некоторое время фрегат пустеет: кто может, съезжает на берег. Командир первый отваливает в щегольском вельботе, приодевшись в парадную форму, – он отправляется с официальными визитами. Потом отваливают катера с офицерами в штатских костюмах – едут «развлечься». В одном из катеров торчит Спиридоний. Он тоже в мирском одеянии. На нем какой-то сюртук, уморительные клетчатые брюки. Косичка тщательно запрятана под широкополую шляпу.

Стремится на берег и команда после трудного перехода «освежиться» в портовых кабаках и притонах. Скоро на «Диане» остаются только вахтенные, дежурные – словом, все, занятые делом.

Паисий не выходит из своей каюты. В открытый иллюминатор он хмуро смотрит на шумную гавань, на лодки, парусные и весельные, которые поминутно мелькают мимо борта.

На баке стоит Илья. К нему подходит Вадим и, бросив вокруг себя осторожный взгляд, убедившись, что никто за ним не следит, его не слушает, заговаривает с Ильей:

– Как мне тяжело! Если бы ты мог себе представить, Илья! В крепости было легче. Кончится мое плавание бедой!

Илья пробует успокоить друга.

– Знаешь, – говорит Вадим, – не страшна матросская куртка, не страшны матросские щи и каша – хотя, знаешь, мерзостью кормить начали! – страшно бесправие и несправедливость. Бьют матросов – зубы вышибают, синяки под глаза ставят! Не только боцмана, а всякий фендрик, вроде Чибисова или вроде этой немецкой миноги, нашего барона, – и те поднимают на них свою подлую руку... Но почему меня не бьют? Ведь я же матрос! В крепости было лучше – я, по крайней мере, этих безобразий не видел! Ты знаешь, что я придумал. Я сбегу с корабля или... утоплюсь!.. Я так жить не могу!

– Вадим!.. Вадим! – ответил ему Илья и обнял его. – Полно ребячиться! Во-первых, не все дерутся. Я, например, лейтенант Стругов, мичман Левицкий. Да мало ли! И верь мне, таких скоро будет большинство! Береги себя для лучшего будущего... Может, скоро наступит время, когда в таких, как ты, будет нужда!

– Знаешь, Илья, – заговорил опять Вадим, – попроси ты у командира, чтоб он меня к тебе вестовым назначил!

Илья выпучил глаза.

– Тебя? Ко мне... вестовым?! Да ты в уме?

– Нет, серьезно. Если это выйдет, я хоть часть дня смогу проводить у тебя в каюте... подальше от всей этой дряни. А я тебе буду служить исправно. Ты не беспокойся! И сапоги чистить буду, и брюки!..

Илья задумался...

– Попробую, – сказал он, – едва ли, впрочем, удастся: намерен мне командир голову намылил за то, что я с тобой разговаривал.

– Спаси меня, Илья! – продолжал Вадим.

– Ну ладно... Успокойся, попробую, – сказал Илья с улыбкой и добавил: – А между прочим вот что: я сейчас напишу письма своим и отправлю их, пиши и ты – я отправлю.

– Кому писать? – грустно промолвил Вадим. – Родные и друзья – все отвернулись от меня. Разве старику Фролу?

– Ну хотя бы ему!

Илья отправился в каюту писать письма своим, Вадим – старому Фролу.

«Милые мои, – писал Илья. – Вот я и в Англии, в Портсмуте... Мы рассчитывали прийти гораздо раньше, да задержала непогода. Начиная с Кронштадта и до самых берегов Англии нас все время трепало. Теперь завязнем в Портсмуте недели на две: течь показалась – надо чиниться. Наш фрегат оказался совсем старым, негодным судном. Странно, что такое судно – говорят, уже назначенное на слом, – отправили в кругосветное путешествие! Нас ждут обязательные бури (так говорит наш старый штурман, с которым я очень подружился, знает покойного отца) в Бискайском заливе, в Индийском океане и, быть может, у берегов Японии. Поэтому надо своевременно исправить все грехи “Дианы”. Что сказать вам о людях, которые на два года заперты со мною в старую деревянную коробку, носящую красивое имя “Диана”? Командир – сухой эгоист, неприветливый и почти всегда не в духе. Хороший служака, но никем нелюбим, и, кажется, сам никого не любит. Но дело знает. К сожалению, с матросами излишне крут: почти каждый день у нас на баке производится порка матросов. Это отвратительно. Матросы называют его Палачом. Ужасное прозвище! Старший офицер Степан Степанович Гнедой – кубышка по фигуре – не ходит, а катается по палубе, всегда куда-то торопится и суетится. Отчаянно дерется – “чистит зубы” матросам и притом еще философствует: “Нельзя, – говорит, – не бить, на бое матушка Россия держится! Везде, – говорит, – всеобщая лупка идет. В деревнях мужиков дерут, в казармах – солдат, в школах – учеников, во всех школах: в корпусах, в гимназиях, в семинариях духовных. В семьях детей лупцуют. Меня отец драл как сидорову козу, отца дед лупцевал и так далее до Адама. Бамбуковое, – говорит, – положение”. Слово “бамбуковый” – его любимое. Так его Бамбуком мы и называем, а матросы Мордобоем зовут. К чести его надо прибавить, что после мордобоя он сам, по-видимому, мучается и часто, избив матроса, потом на другой день дает ему двойную порцию водки или даже извиняется. Хотя он и драчун, но матросы к нему относятся добродушно. Терпелив русский народ! Конечно, при таких командирах боцмана и унтер-офицеры – чистые звери! Боюсь, что наше плавание не окончится благополучно: среди матросов есть люди далеко не мирные и ропщут на телесные наказания, а также и на кормежку. Она из рук вон плоха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.